

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки
на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсц. . . 4 р. —
Отдѣл. номера по 20 к.
Съ доставкой, и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсц. . . 6 р. —
на 6 мѣсц. . . 5 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ . . . 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статья и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Обозрѣнія по р. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Каторѣ—Сиб.,
Надеждинская, д. 19, к. 32.,
а также въ книги, маг. Валь-
да, Нов., Гости, д. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.
Въ Тывѣ—въ книжн.
агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Земство въ Сибири. В. И. Ванка.—Подъядка сибирской благотворительности.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Кузнецка, Иркутска, Палаудора и Томска.—Какъ мы отъискивали Новую Ковеню. Д. Вербицкаго.—Автобиографія С. С. Шапкова. III.—Хроника жизни за недѣлю.—Несгораемая изба Солнцева. В. Л.—Буржевыя извѣстія.—Опечатки.—Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на газету

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАВАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

ЦѢна за годъ 8 рублей.

Для новыхъ подписчиковъ на 1883 г. оставшіеся экземпляры
за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ Редакціи см. вверху.

ЗЕМСТВО ВЪ СИБИРИ.

III.

Противъ введенія земскихъ учрежденій въ Сибири могутъ быть приведены нѣкоторые, чисто практическія возраженія. Могутъ указать, напримѣръ, на недостаточную зрѣлость населенія для принятія подобнаго учрежденія и на неудобства отъ обширности разстояній. Но «незрѣлость» — не что иное, какъ общее мѣсто; оно употребляется для тормазы всякихъ улучшеній, когда не могутъ найтти другихъ, болѣе серьезныхъ возраженій. Сибирское населеніе развито, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ не менѣе того, какъ было развито русское населеніе за 18 лѣтъ назадъ, когда у него вводились земскія учрежденія. У сибирскаго населенія, такъ же какъ и у русскаго внутреннихъ губерній, есть общественныя дѣла, которыя оно уже привыкло обсуждать коллективно, — въ городкахъ въ думахъ, въ селеніяхъ на мірскихъ сходкахъ, у кочевыхъ инородцевъ на султанкахъ. Эти дѣла, по существу своему, — тѣ же самыя, какія пришлось бы ему обсуждать въ земскихъ учрежденіяхъ: тѣ же дороги, школы, болѣзни, смѣты и раскладки. Ничего новаго, ничего превышающаго пониманіе *средняго* сибирскаго жителя эти учрежденія не представляютъ. Такимъ образомъ первое возраженіе оказывается вполнѣ несосто-

тельнымъ. При такихъ пространствахъ гораздо серьезнѣе, на первый взглядъ, другое возраженіе. Иной сибирскій уѣздъ, по своему пространству, равняется двумъ-тремъ русскимъ губерніямъ *). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется непосредственный личный надзоръ земскихъ дѣятелей, надзоръ этотъ былъ бы весьма затруднителенъ. Пришлось бы чрезмѣрно увеличить составъ уѣздныхъ земскихъ управъ, а соразмѣрно съ этимъ и расходы на ихъ содержаніе. Это могло бы тяжело отразиться и на личныхъ средствахъ населенія (затрудненія въ выборѣ людей), и на денежныхъ (возвышеніе налоговъ). Но въ дѣйствительности это препятствіе не такъ велико, какъ можетъ казаться. Оно имѣетъ только географическое, а не этнографическое основаніе. Большую часть пространства нашихъ уѣздовъ составляютъ или мѣста совершенно пустынные, гдѣ бродятъ только шивороды-звѣроловы, или съ весьма ничтожнымъ населеніемъ: таконъ, напримѣръ, весь сѣверъ Енисейской губерніи и большая часть Иркутскаго, Киренскаго и Нижнеудинскаго округовъ—Иркутской. Слѣдовательно, эти пространства должны быть совсѣмъ исключены изъ расчета †). Дѣйствительное населеніе естественна, однородными группами, на относительно небольшомъ пространствѣ, и сообщенія между поселеніями, а также между ними и уѣздными центрами, не представляютъ большихъ неудобствъ. На этихъ же пространствахъ сосредоточиваются и нужды, требующія надзора и попеченія земства. Правда, и въ этихъ населенныхъ полосахъ наши сибирскіе уѣзды (округи) представляются еще слишкомъ обширными въ сравненіи съ великорусскими. За то и потребности земства здѣсь ограниченнѣе и малосложнѣе, чѣмъ въ Россіи. Населеніе сибирскихъ округовъ обыкновенно не превышаетъ 50—100 т. душъ. (Исключеніе—

*) Пять уѣздовъ Иркутской губерніи занимаютъ пространство въ 703 т. кв. верстъ, а десять уѣздовъ Ярославской губерніи—только 31 т. кв. верстъ.

†) То же самое можно сказать о Тобольской и Томской губерніяхъ, гдѣ округа Березовскій, Сургутскій и Нарымскій въ сѣв. части слабо заселены русскими и гдѣ много пустынь, которыя не должны быть приняты въ расчетъ. За то другіе округа, какъ Курганскій, Ишимскій, Томскій и т. п. ничѣмъ не отличаются отъ густо населенныхъ дѣствъ Евр. Россіи.

только немногие густо населенные округа Тобольской и Томской губерний). Повятой, что потребности такого населения во всяком случае меньше потребностей населения в 150—200 т. д., а потому и удовлетворение их менее затруднительно. Нужно взять в расчет также географическое положение уездов. Во то время, как от много уездного города внутренних губерний танутся дороги по десяти направлениям, — в сибирских городах они идут только в два, много три стороны. Во всяком случае, затруднения, происходящие от относительной общности пространств, удобства всего могут быть устранены или облегчены теми же земскими учреждениями, которая, без сомненья, лучше знают свои местности, чьм канцелярские дьяволы. И притом, вьд управляют же округами исправники? а их дьявольство во многом совпадает съ функциями земских учреждений (надзоръ за дорогами, хлбные магазины, народное здоровье). Почему же коронные чиновники, перфдо явившиеся бог-вьсть откуда, могутъ выполнять это успешнбе, чьм коренные жители, вьд и поперегъ зающие свою мбность?

Можно указать еще на одно препятствіе,—непримчивость къ Сибири земскихъ учреждений въ ихъ нынбшемъ видб. Въ Сибири, напримбр, нбтъ предводителей дворянства, на которыхъ возложено предбдательство въ земскихъ собранияхъ. Въ ней будутъ невозможны или бесполезны събзды мелкихъ землевлдльцевъ (тамъ, гдб они есть), для выбора уполномоченныхъ на избирательные събзды; избирательный цевъ для нбкоторыхъ мбностей можетъ оказаться слишкомъ высокимъ. Особенности быта инородцевъ могутъ потребовать измбненія для нихъ общихъ правилъ о порядкб выбора гласныхъ. Найдутся, вброятно, и еще нбкоторые подробности вастоящаго Положенія, непримчивыя къ Сибири. Но все это чисто формальныя препятствія. Предбдательство предводителей дворянства не только не истекаетъ изъ существа земскихъ учреждений, но прямо противорбчить ему, вьвда основнымъ элементъ въ учрежденія, имбющія чисто общій мбстный характеръ. Собранія могутъ открываться подъ предбдательствомъ коронныхъ чиновниковъ и затбмъ сами избирать себб предбдателей на трехлбтіе. Събзды вычужнаго числа мелкихъ землевлдльцевъ для выбора уполномоченныхъ могутъ быть замбнены непосредственнымъ участіемъ ихъ въ избирательныхъ събздахъ. Наконецъ, земскій цевъ и во внутреннихъ губернияхъ признается высокимъ, и есть слухи о предстоящемъ его пониженіи. Все эти частныя затрудненія могутъ быть устранены измбненіемъ подлежащихъ статей Положенія, сообразно условіямъ сибирской жизни, насколько не касаясь существа земскихъ учреждений.

Какія же препятствія, кромб этихъ, еще могутъ быть для введенія земскихъ учреждений въ Сибирь? Есть одно и самое важное, о которомъ мы до сихъ поръ не упоминали. Это антагонизмъ мбстной администраціи ко всякой общественной самодбтельности, стремленіе ея держать въ своихъ рукахъ все нити народной жизни и заставлять ее прыгать по ея усмотрбнію, какъ бумажнаго гаера. Какъ ни принужены въ послбднее время земскія учрежденія въ Россіи, но, тбмъ же менбше, они представляютъ общественную власть, которая стоитъ на ряду съ чиновничьей, а въ нбкоторыхъ отношеніяхъ, даже и выше ея. Введеніе земскихъ учреждений въ Сибирь не только ослабитъ власть мбстной администраціи вообще, но отниметъ у нея возможность распоряжаться хо-

завбственными дблами и капиталами губерній, — это такое лишене, которое было бы невыносимо для разныхъ классовъ строителей и заготовителей. Потому-то и въ разныхъ заявленіяхъ о реформахъ, которыми будто бы скоро будетъ обобдательствована Сибирь, земская реформа обобдета глубокимъ молчаніемъ: она слишкомъ непонуту мбстнымъ заправкамъ. Вотъ самое серьезное препятствіе, съ которыми приходится бороться въ вопросб о введеніи въ Сибирь земской реформы. Недаромъ бывшій енисейскій губернаторъ говорилъ въ енисейской городской управб, что земскія учрежденія здбсь невозможны по нембвно дворянства (хотя въ Положеніи о дворянствб не говорится ни слова). Недаромъ и на ходатайства городскихъ думъ о введеніи этихъ учреждений до сихъ поръ нбтъ никакого отвбта. Съ какой бы стороны ни возникли вопросы и настоянія о введеніи ихъ въ Сибирь, у мбстныхъ властей всегда будутъ наготовб рутинные отвбты о неурбзости населенія, объ отсутствіи дворянства, и другія отговорки, на которыя такіе мастера всякія канцеляріи, когда они захотятъ погубить или затормозить дбю. Давнуть его впередъ можетъ только непосредственное распоряженіе высшаго правительства, какъ это было и въ городскомъ дблб,—хотя и тутъ не обобдета безъ препятствій^{*)}. Состоявшееся недавно непосредственное вочиненіе западно-сибирскихъ губерній министерству внутреннихъ дблъ можетъ значительно подвинуть дбю введенія здбсь земскихъ учреждений.

Введеніе въ Сибирь земскихъ учреждений необходимо. Къ введенію ихъ не можетъ быть серьезныхъ препятствій, кромб одного только—антагонизма мбстныхъ властей. Потому, для введенія ихъ нужны—съ одной стороны, настоятельныя ходатайства мбстнаго населенія; съ другой—прямое распоряженіе высшаго правительства. Вотъ выводы, которые, думаю, сами собой слбдуютъ изъ нашей статьи.

В. Вагинъ.

ПОДБЛАДКА СИБИРСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Благодаря тому, что Сибирь живетъ при старыхъ, дореформенныхъ порядкахъ, мбстное общество не можетъ проявить себя всецбю въ лицб своихъ лучшихъ общественныхъ элементовъ. При отсутствіи земства, при безучастіи интеллигенціи въ общественной жизни, самыя функціи этого общества являются часто извращенными, и то, что должно выходить изъ сознанія общества органически, является искусственно навязаннымъ, искаженнымъ подъ влияніемъ дурныхъ страстей и личныхъ пристрастій.

^{*)} Въ этомъ отношеніи намъ особенно памятенъ одинъ случай сороковыхъ годовъ. Въ Енисейскомъ округб существовалъ Каменскій винокурный заводъ. Выкурка на немъ вина никогда не была выгодна для казны, а въ сороковыхъ годахъ когда, съ развитіемъ дозотропичесленности, цвн на хлбзъ сильно поднялся,—сдблалась положительной, цвн на вино сильно поднялся, —сдблалась положительной убыточной. Министерство енисейское рбшило закрыть заводъ, и обратилось къ мбстнымъ властямъ съ вопросомъ о бблье удобныхъ способахъ исполненія этого. Но такъ какъ заводъ, невыгодный для казны, былъ очень выгоденъ для мбстныхъ распорядителей, то они и послали заявленіе о необходимости оставить заводъ. Только послб рбзкаго отвбта министерства, что мбстное начальство спрашивалось не о томъ, нужно ли уничтожить заводъ, а о томъ только, какъ удобнбе его уничтожить,—былъ данъ прямой отвбтъ на вопросъ; да и то чуть ли не была выставляема разныя затрудненія.

Доказательством служить помещаемое письмо из сибирских палатинъ, рисующее во что выродилось и обратилось дѣло благотворительности въ Сибирь.

«Къ вамъ, вѣроятно, доносится слухи о разныхъ у насъ пожертвованіяхъ и разныхъ возвеличенныхъ благодѣтеляхъ. Не слишкомъ доверьтесь этому, а менѣе всего искренности. Все это, во-первыхъ, дѣлается не добровольно, а во-вторыхъ, подкладку этого является честолюбіе и личные расчеты, что въ дѣлѣ благотворенія крайне неестественно. Это даже не замаливаніе грѣховъ въ старомъ смыслѣ, когда купчина-кулакъ и подрядчикъ, оборвавъ крещенный народъ, ставилъ пудовую свѣчу. Можетъ быть, у этого стараго кулака шевелилась совѣсть, являлся страхъ будущаго расчета за гробомъ; у новаго типа благотворителя ничего подобнаго нѣтъ. Его благотвореніе и жертва—прямой расчетъ на новую прибыль, дѣль его—новый грѣхъ, а благотвореніе—средство.

«Въ виду того, что эта страшная язва укореняется все болѣе и болѣе и можетъ разростись до громадныхъ размѣровъ, мы считаемъ необходимымъ обратить на нее особенное вниманіе. Необходимость эта вынуждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что люди честные и развитые и даже лучшіе органы печати какъ-бы не замѣчаютъ всего зла, скрывающагося подъ маской дѣла благотворительности и филантропическихъ затѣй, и своимъ снисходительнымъ отношеніемъ способствуютъ развитію этой язвы. Нужно ли построить церковь, школу, нужно ли поддержать какое-либо предпріятіе, помочь учрежденію, лицу, всё невольно начинаютъ взирать на мѣстныхъ богатѣй, въ надеждѣ на ихъ щедроты. Такая надежда, разумѣемъ, естественна, а разъ она оправдалась, естественно рождается и чувство благодарности къ богачу, удѣляющему часть своего состоянія на честное, хорошее и полезное дѣло, осуществленіе котораго для всякаго честнаго человѣка желательно. Вотъ тутъ-то и заключается роковая ошибка. Всякій, видя непосредственный результатъ пожертвованія, оставляетъ въ сторонѣ заднія мысли и цѣли жертвователя, игнорируетъ тѣ результаты пожертвованія, о которыхъ втайнѣ мечтаетъ благодѣтель и въ лучшемъ случаѣ, болѣе провинциальный оправдываетъ свою снисходительность выраженіемъ съ паршивой собаки хоть шерсть клоку». По нашему мнѣнію, всё такіа пожертвованія безразрѣчны и не только насильственный сборъ ихъ, административнымъ порядкомъ, но весьма часто и самый пріемъ безусловно вреденъ. Высказанную мысль мы постараемся доказать различными соображеніями и примѣрами.

«Творческая дѣятельность губернскихъ начальствъ бываетъ весьма часто фантастична и капризна, часто создается дѣло съ спеціальною цѣлью составить приятное и полезное развлеченіе для супруги губернскаго помпадуръ, власти имущаго лица. Уже одно это, съ виду невинное, созданіе какой-то дѣятельности для пустой, мелкой и тщеславной барыни, въ сущности, и безнравственно, и вредно, потому, что подъ видомъ цѣлей благотворительныхъ скрывается самое отчаянное бездѣльничество и, наконецъ, потому, что на это бездѣлье усилению привлекаются массы людей, которымъ начальство внушаетъ, совѣтуетъ примкнуть «къ дѣлу», помочь невѣстному чему, и тѣмъ отвлекаетъ людей отъ исполненія ихъ рѣальныхъ обязанностей. Пойдемъ далѣе. Когда на осуществленіе какой бы то ни было затѣи требуются значительныя суммы, тогда начинается дѣйствовать уже не супруга превосходительной особы, а самъ

начальникъ. Для этой цѣли составляется всегда планъ, зрѣло и систематически обдуманнй, тонко рассчитанный на разныя людскія слабости. Осѣчки при этомъ никогда не бываетъ. Извѣстно, что особа, облеченная, напримѣръ, властью генералъ-губернатора или губернатора въ такомъ краѣ, какъ Сибирь, является всемогущею, а потому знакомство съ нею почитается за великую честь, которой всѣми силами добиваются всевозможныхъ сортовъ благодѣтели, располагающіе капиталомъ. Когда знакомство достигнуто, добиваются расположенія особы и, наконецъ, ждуть отъ нея великихъ и богатыхъ милостей въ видѣ какой-либо медали, ордена, мундира съ расшитымъ золотомъ воротничкомъ, публичной благодарности и т. д., составляющихъ предметъ самыхъ затаенныхъ мечтаній этихъ людей, въ Сибирь, готовыхъ жертвовать за полученіе такого вещественнаго расположенія тѣмъ угодно. Особа, зная эти слабости, начинаетъ загрызвать, дѣлать съ визитомъ, подсылаетъ свою супругу съ визитомъ же, печатаетъ приглашеніе билеты на чай, закуску, обѣдъ, и, мало-по-малу, соблазняетъ сибирскаго туза, у котораго ничего нѣтъ за душой кромѣ капитала, нажитаго самыми возмутительнымъ образомъ. Особа ведетъ игру далѣе, начинаетъ между соблазненными дѣлать различіе, одного подкупить къ себѣ поближе, другою держать ноздальне, но такъ, чтобы они это видѣли, а увидѣвъ, они другъ передъ другомъ изъ кожи лѣзутъ, другъ друга желаютъ перецѣловать. Въ это время съ ними можно дѣлать что угодно, хоть веревки вить, хоть въ узелъ вязать. Тогда начинается откровенная бесѣда, особа выпытываетъ, по опыту очень тонко, кому чего хочется. Одинъ говоритъ, что ему нуженъ орденъ, другому мундиръ, третьему, ну, и т. д. Особа говоритъ тогда, что все это можно, во нужнее же какой-нибудь предлогъ, «чтобы и предстать въ васъ къ награждѣ». Пожертвуйте столько-то тысячъ на пріютъ, пожертвуйте въ тюремный комитетъ и т. д., и соблазненные рады стараться, одинъ, другой, пятый, десятый отсыпаетъ тысячи. Вотъ одна сторона медали и вотъ результаты благодарныя «гражданина и патриота своего отечества», видны для всякаго. Повернемъ медаль другой стороной. Изъ-за чего хлопотаетъ особа, чего ради она жметъ часто запятыячю грязью руку и чего добивается эта рука? Особа этими сборами пожертвованій всегда упреждаетъ мнیمую репутацію какъ «человѣка энергичнаго, заботящагося о благѣ общества». Безъ всякаго труда, безъ таланта убиваются два добра: съ одной стороны общество славословитъ своего начальника, какъ менената, насадителя культуры и образованности въ странѣ, какъ просвѣтителя, а съ другой — и начальство видитъ «плодотворную и полезную дѣятельность» особы, по насажденію въ краѣ различныя блага и вскипываетъ ее своимъ вниманіемъ, т. е. расширять предѣлы власти особы и увеличивать ея окладъ, окладъ—вотъ самое главное. Но и жертвователь за свои благотворенія и благодарныя не остается съ накладъ. Не говоря о томъ, что само по себѣ знакомство съ особою, сама по себѣ благодарность высшей власти, особенно, если она сопровождается какой-нибудь грамотой, вещественнымъ выраженіемъ этой благодарности въ видѣ мундира съ золотымъ воротничкомъ или медали, въ видѣ вышиванія портрета благодѣтеля въ благотворимомъ имъ учрежденіи, имѣютъ страшное значеніе въ Сибирь, странѣ поклоненія этимъ предметамъ, доходящаго до рабства, до

того, что человекъ весь вѣкъ живетъ въ мечтахъ о такой милости, не говоря о томъ, что благодѣтель, получившій благодарность, сразу вырастаетъ до небесъ, всѣмъ гичетъ своей наградой, становится недоступнымъ, заноситъ и всюду, въ обществѣ, на гуляньяхъ, на вечерахъ, въ школахъ, въ церкви, вездѣ задаетъ токъ, требуетъ себѣ особаго почтения отъ всякаго встрѣчнаго; не говоря объ этомъ, благодѣтель имѣетъ всякую возможность навертаетъ свои жертвы сторцею. Можно сказать, что всякое такое пожертвованіе есть деньги, отдаваемые за громадныя ростовщическіе проценты, къ платежу которыхъ привлекается все окрестное населеніе. Воспользовавшись довѣріемъ власти, которая настолько не бываетъ провинцальной, и заручившись ея расположеніемъ и благодарностью, благодѣтель открываетъ усиленную атаку противъ населенія, которое ему опутать своими тесетами. Начинается рядъ разныхъ мошенническихъ дѣлъ, забалаются сотни людей, обдѣлываются ловкимъ образомъ казенныя подряды, творится беззаказанно уголовныя преступленія. Такимъ-то путемъ кулакъ вырастаетъ въ грознаго хищника, въ страшную язву населенія, всегда пользующагося снисхожденіемъ администраціи. Вотъ какою представляется обратная сторона медали, вотъ что получается въ результатъ отъ пожертвованія.

«Посмотрите затѣмъ къ кому обыкновенно обращаются мѣстные администраторы, кто избирается въ число благотворителей, кому ввѣряется эта почетная функція, это лучшее дѣло человѣколюбія, словомъ, насколько здѣсь присутствуетъ нравственная подкладка?»

Въ томъ же письмѣ говорится: «Одинъ изъ жертвователей, который получаетъ почетное званіе, ни больше, ни меньше, какъ грубый, заскуристый кулакъ и кабачникъ, за мошенничества неоднократно привлекавшій къ отвѣтственности и въ настоящее время оставленъ судомъ въ подозрѣніи за кражу дѣлъ о немъ посредствомъ подкупа (въ настоящее время уголовныя дѣла объ этомъ благодѣтели хранятся въ Т. у казначея подъ замкомъ, именно въ дѣтствѣ способности ихъ печезать изъ суда). Онъ настолько себя ошорилъ даже передъ невзыскательнымъ сибирскимъ обществомъ, что его выгнали изъ гласныхъ думъ и директоровъ сиротскаго суда *). Другой благодѣтель принадлежитъ къ той же категоріи, также оставленъ судомъ въ подозрѣніи за кражу уголовныхъ дѣлъ о немъ. Третій благодѣтель—подридчикъ, личность очень темная, которая, по разсказамъ, подозрѣвается въ распространеніи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, скупъ краденаго золота, содержаній публичнаго дома въ одномъ городѣ и т. д. Четвертый—простой мужикъ, кажется и неграмотный, кулакъ, занимающійся чужъ не разбосемъ на трактовой дорогѣ, пятый тоже. Шестой—заводчикъ, очень извѣстный въ городѣ по убійству одного чиновника и по разнымъ другимъ дѣламъ такого же характера. Седьмой недавно публично битый субъектъ и т. д. Изъ этого перечня ясно видно, на что и въ какихъ дѣлкахъ могутъ и будутъ жертвовать эти люди. Нравственно ли подобныхъ людей вознмать въ общества, создавать имъ почетъ, награды, когда ихъ въ другомъ мѣстѣ ожидать бы уголовный судъ!»

Авторъ письма задаетъ вопросъ послѣ этого: «Въ какое

положеніе ставить себя мѣстная администрація, выдвигая и поощряя такихъ дѣлателей?»

«Этимъ же объясняется масса злоупотребленій въ Сибири. Зарекомендовавъ себя благотворителемъ, давъ такъ сказать откупъ, благодѣтель, почетный членъ благотворительныхъ учрежденій въ остальной своей дѣятельности позволяетъ себѣ все. Эти тузы у насъ въ Сибири кабалютя вниродка, провозятъ къ нему водку, обращаютъ золотопромышленныхъ рабочихъ, создаютъ монополіи и кабаки. Противъ многихъ изъ нихъ возбуждены дѣла въ судахъ. Понятно, что имѣло взысканіе оцъ готовы на пожертвованія. Такими благотворителями кажутся торговые города Сибири. **) Но кромѣ привлеченія къ пожертвованіямъ монополистовъ и кулаковъ, въ Сибири практикуется и еще болѣе грубый способъ пожертвованія—по приказанію.

«Обыкновенно администратору (генераль-губернатору, губернатору и исправнику) приходитъ въ голову кака-нибудь затѣя, для осуществленія которой всегда требуются деньги. Немедленно посылаются предписанія по инспектирующимъ инстанціямъ, оны генераль-губернатора до засѣдателя и волостнаго писаря, собрать денегъ на такое-то дѣло. И вотъ, назначается безперомное выколачиваніе денегъ съ кого пошло и на что пошло. Такой способъ въ девяностомъ употребленія въ Сибири и не считается противозаконнымъ. Исправники исполняютъ предписанія беспрекословно и энергично. Вздумалъ, напримѣръ, одинъ главный администраторъ въ Западной Сибири создать затѣю—какой-то пансіонъ, съ залами для танцевъ, и послалъ губернаторамъ предложеніе помочь. Въ двѣ недѣли одинъ изъ исполнителей сдѣлалъ обязательный сборъ въ губерніи: прикалакъ и привезъ 15,000 р., собравшихъ съ населенія посредствомъ исправниковъ. Что же это за добровольное благотвореніе? Мало того, такіе сборы дѣлаются не на одни пріюты и училища, а и на театры. Какъ-то омускому чиновничеству нуженъ былъ театр, а денегъ не было, и вотъ, предложили помочь уѣзднымъ начальникамъ, а тѣ собрали поборъ съ киргизовъ, которымъ до театра не было никакого дѣла. Но если кулаки-монополисты и торговцы могутъ иногда отклониться или поупорствовать, то среди крестьянскаго населенія исправникъ, предлагающій подишеу, дѣлается навѣрника. Благотворительность здѣсь переходитъ въ «темный поборъ» земской полиціи. Примѣровъ, какъ сибирскій крестьянинъ дѣлается жертвователемъ въ пользу богатыхъ городовъ и состоятельныхъ классовъ, также бездна. Вздумали въ Читѣ выстроить гимназію, не хватаетъ денегъ—начали усилепо собирать ихъ съ забайкальскихъ крестьянъ. Вздумали строить учебное заведеніе въ одной губерніи, начали собирать на него деньги въ другой губерніи, и можете вообразить съ кого, съ несчастныхъ инородцевъ, которые даже и не знали на какую надобность собирать съ нихъ деньги. Вздумали строить телеграфъ, опять тѣхъ же крестьянъ обязали поставкой стоголовъ. «Во время открытія Амура Верхотенскій округъ доставлялъ хлѣбъ для Амура въ Читѣ раскладкой, по цѣнѣ назначенной исправникомъ, цѣна же была назначена низкая, такъ что хлѣбъ отдавали даромъ, а за провозъ до Читы еще припичивали изъ своихъ денегъ**»). Та-

*) Особа эта очень усидливо хлопочетъ о проведеніи его директоромъ горскаго комитета.

**) Обращаемъ вниманіе также на корреспонденцію изъ Павлодара въ извѣстномъ № «Восточн. Обозрѣн.»,.

**) Сибирская Газета № 35, 1882 г. стр. 836.

кимъ образомъ часто подъ видомъ благотворительности можно население обездолить. Замѣчательно, что многіе изъ разныхъ филантропическихъ предпріяній и сооружений рѣшительно не вызываются нуждами городовъ и потребностями въ краѣ, а составляютъ иногда личную фантазію. Одинъ администраторъ создаетъ сегодня одно, а другой завтра другое. Поэтому эти благотворительныя общества и учрежденія иногда безсѣдно уничтожаются, поглотивъ массу денегъ. Около такихъ обществъ всегда есть директора, почетники и секретари, которые закупаютъ смѣты и въ концѣ закупаютъ дѣла. Мы предлагаемъ судить, къ чему приводитъ такая благотворительность.

«Наше искреннее желаніе, заканчиваетъ авторъ письмо, чтобы святое дѣло благотворенія въ Сибири поскорѣ перешло въ руки самого общества, чтобы оно перестало служить хищническимъ цѣлямъ, средствомъ замѣняющимъ взятку, чтобы оно не дожилось бременемъ для населенія; самое разрѣшеніе этихъ учрежденій строго контролировалось, наконецъ, чтобы не слишкомъ доверяли въ столицахъ мѣстнымъ представителямъ. Кромѣ того, безусловно необходимо запретить подшеку чрезъ волостное начальство и исправниковъ, что составляетъ скорѣе обязательный поборъ и подрываетъ податныя платежныя способности населенія».

ХРОНИКА.

15-го октября въ обществѣ содѣйствія русскому мореходству г. Сиденсера прочелъ слѣдующій докладъ:

М. Г., въ прошлыхъ моихъ докладахъ я изложилъ вамъ нѣкоторыя подробности относительно устройства обь-енисейскаго воднаго сообщенія. Въ настоящее время сѣбѣ довести до вашего свѣдѣнія, что 27-го іюля проектъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденія. Не повторяя вновь всей интересной исторіи этого дѣла, изложенной подробно въ отчетѣ по моему исполненію 1875 г. и напечатанной въ издеченіи въ Изв. И. Р. Г. О. за 1878 г., считаю необходимымъ напомнить только, что вопросъ о соединеніи Оби съ Енисеемъ впервые былъ поднятъ официальнымъ путемъ въ 1797 году, а въ 1798 году носиловало Высочайшее повелѣніе на соединеніе этихъ рѣкъ воднымъ путемъ.

Несмотря на важное значеніе для Сибири ея великихъ водныхъ путей, дѣло это, поднимавшееся пѣсколько разъ какъ правительствомъ, такъ въ особенности частными лицами, не имѣло успѣха до 1875 года, когда въ управленіе министерствомъ путей сообщенія поступилъ генералъ-адъютантъ Посельскій.

Экспедиціями министерства путей сообщенія 1875—78 годовъ еще разъ была признана полная и легкая возможность устройства въперывающаго воднаго пути изъ Оби въ Енисей, а въ сентябрѣ 1881 года разработанный министерствомъ путей сообщенія проектъ этого сообщенія былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

По этому проекту предполагалось произвести работы въ такихъ размѣрахъ, чтобы суда съ осадкою въ 7 четвертей, длиною 22 саж. и шириною 3 1/2 саж., могли свободно проходить въ обѣ стороны. При такихъ условіяхъ на производство всѣхъ необходимыхъ работъ была назначена смѣта въ 8.000.000 руб. и срокъ работъ предпологался семилѣтній. Но принимая во вниманіе необходимость ускорить окончательное рѣшеніе этого вопроса, министерство путей сообщенія призвало возможнымъ ограничиться на первое время сооруженіемъ соединительнаго канала и нѣкоторой расчисткой рѣчекъ отъ корневъ и мелей, для движенія по этому пути на первое время лишь судовъ маломѣрныхъ. По разсмотрѣніи этого дѣла въ государственномъ совѣтѣ 15 мая и 4 іюня и по Высочайшемъ утвержденіи отъ 27 іюля, министерству путей сообщенія разрѣшено съ будущаго 1883 года приступить къ производству работъ, необходимыхъ для устройства этого пути въ такихъ уменьшенныхъ размѣрахъ. На расходы

по этимъ работамъ предполагалось внести въ смѣты 1883 и 1884 годовъ по 300.000 руб., а всего 600.000 руб.

Такимъ образомъ, благодаря особенному сочувствію высшаго министерства путей сообщенія устройству водныхъ путей Сибири, мы находимся наконецъ наканунѣ окончательнаго разрѣшенія вопроса о соединеніи Оби съ Енисеемъ, подвигаго еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Но, мн. гг., какъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ приведеніемъ рѣки Ангары въ судходное состояніе и съ устройствомъ удобнаго пути далѣе отъ Байкала въ Амуръ.

Только съ устройствомъ удобнаго пароваго пути отъ Урала до береговъ Тихаго океана можно ожидать правильнаго экономическаго развитія Сибири и только тогда, когда наши южно-усурійскія окраины будутъ связаны надежнымъ путемъ съ Европейскою Россіей, можно будетъ рассчитывать на развитіе въ водахъ Тихаго океана русскаго торговаго мореплаванія.

Съ окончаніемъ постройки уральской желѣзной дороги, соединеніе Оби съ Енисеемъ составитъ связующее звено этого длиннаго пути; поэтому-то извѣстіе о Высочайшемъ утвержденіи этихъ первыхъ въ Сибири гидротехническихъ работъ будетъ, я надѣюсь, принято нашимъ обществомъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Въ «Новое Время» корреспонденція изъ Владивостока сообщаетъ, что тамъ разрѣшена газета «Владивостокъ». Редакторъ ея Соллогубъ служитъ чиновникомъ въ штабѣ губернатора и въ настоящее время уѣхалъ въ Одесу, для покупки типографіи. Нельзя не пожелать полнаго успѣха газетѣ, прибавляетъ корреспондентъ. Крайній Востокъ, въ особенности Сахалинъ, нуждается въ гласности не менѣе, чѣмъ въ хлѣбѣ насущномъ. Намъ извѣстно, что мѣстный губернаторъ, адмиралъ Фельдгаузенъ, рѣшительно выдѣляется по своему сочувствію къ изданію будущей газеты. 1-й № изданія надѣется выдать 14-го ноября этого года. Въ Хабаровскѣ, какъ кажется, также будетъ издаваться газета; изданіе ея исходитъ изъ необходимости печатанія приказовъ и циркуляровъ. Газета, вѣроятно, будетъ подобіемъ губернскихъ вѣдомостей. Редакторомъ ея называють г. Волохова». (№ 2374).

Сочувствуя въ свою очередь водворенію станка Гуттенберга на берегахъ прекраснаго Амура, особенно же если эти мѣстные органы печати будутъ служить дѣлу гласности, мы болѣе въ то же время, зная мѣстные условія, что надежды эти не воплотятъ могутъ оправдаться. Изданіе официальныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» по известной программѣ хорошо извѣстно, «гласности» въ нихъ корреспондентъ разумѣетъ оригинально въ печатаніи мѣстныхъ циркуляровъ. Такая «гласность», конечно, возможна. Что касается газеты г. Соллогуба, то, принимая во вниманіе служебное положеніе въ штабѣ губернатора, мы и эту газету не можемъ принять за независимую. Мы не прочь выслѣсть съ господами корреспондентами согласеніе, что Амурскій край нуждается въ гласности. Опытъ такой гласности былъ, и это мы помнимъ въ 60-хъ годахъ. Извѣстно также, какую услугу оказала эта гласность въ лицѣ напечатаннаго въ то время Дмитрія Приваровича Закалишина. Вотъ такой гласности мы отъ души желали бы для современныхъ амурскихъ дѣланій и проектовъ.

Въ нашей газетѣ было помѣщено извѣстіе, что въ Томской губерніи недавно открыто цѣлое дѣлство, исправно получавшее ежедневно жалованье, но существовавшее только на бумагѣ; теперь оказывается, что это случилъ въ Томской губерніи не единственный. По извѣстію, напечатанному въ «Томскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ», въ томской городской управѣ обнаружены злоупотребленія бухгалтера; при повѣркѣ оказалось, что дума платила жалованье несуществующимъ городовамъ и переплатила такимъ образомъ 400 рублей. Къ этому извѣстію редакция «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» прибавляетъ: «Мы слышали, что на обсужденіе думы въ ближайшее собраніе нѣкоторыми гласнымъ будетъ внесенъ вопросъ о возможности оставить бухгалтеромъ думы и на будущее время лицо, учащенное въ злоупотребленіяхъ, имѣющихъ свое названіе въ изложеніи о наказаніяхъ». Такое рѣшеніе этихъ гласныхъ, вѣроятно, вызвано, тѣмъ обстоятельствомъ, что городской управа, повидимому, хочетъ ограничиться пополненіемъ бухгалтеромъ излишне израсходованныхъ

денег. По поводу слуха, сообщаемого редакцией «Томских Губернских Ведомостей», можно сказать только одно: хорошо бы, если бы подобные взгляды на чистоту общественной нравственности распространились и в других местах Сибири, в которой, как это всем известно, лица, учащенные в злоупотреблениях, имеющих свое название в улогах и наказаниях* не только терпима в высших слоях общества, но нередко пользуются покровительством администрации и местных капиталистов. Не говоря уже о местах восточных пусарей, весьма часто раздаваемых местною администрацией ссыльно-поселенцам, подобных лиц мы видали нередко и в других более выдающихся местах: человек, оборвавший одну петербургскую редакцию, занимал место конторщика у первого капиталиста в сибирском городе; подбиватель векселей был арендатором городского театра; аферист, составивший за темная дела, главным подрядчиком казни; составитель фальшивых бумаг присяжным писателем, защищающим местную администрацию в петербургской журналистикой. Высшая администрация края своей неработоспособностью в выборе людей, отдавая предпочтение таких общественно-воспитательных органов, как театр или редакция местной газеты, — в руки людей сомнительной репутации, подавала дурной пример сибирскому обществу. Желание томских главных протестов против подобающего индифферентизма к нравственности служебного персонала иметь вид хроникальная со стороны самого общества. С этой точки зрения ее опубликованной замечкой в «Томских Губернских Ведомостях» трудно не согласиться.

Наравн с иностранскими европейскими известиями из Вены, Пешта, Константинополя, в столичных газетах мы прочли телеграмму из Томска об открытии владимирского приюта для арестантских детей. «Денежные средства на содержание приюта собраны при горячем участии томского губернатора Мердатова», сказано в телеграмме. На общ. собрано 1.250 руб. на учреждение в приют стипендий имени г. Мердатова*.

В то только что полученном номере неофициальной части «Томских Губернских Ведомостей» сообщается следующая история приюта. Приют основан не вишь, а в 1855 году он образован из детского отделения при тюрьме. В 1868 году выстроено было особое здание на счет экономических сумм, в приют стали принимать не только дети местных арестантов, но и дети сирот умерших на дорог ссыльных; а так как число их было не особенно велико, то решено было принимать и детей бедных жителей. На 80 детей в 1882 г. было арестантских детей только 39. Такое учреждение приюта может показаться странным. Дети перемешаны арестантов сюда попадали совершенно случайно, а приют содержался на счет экономических арестантских сумм, где принимались и дети свободных сословий. Далее, было выстроено новое помещение, а помещать было некого, надо было искать кого поместить из сирот города.

О хозяйстве приюта «Томских Ведомостей» сообщают: До 1881 г. комитет отпуская на содержание приюта до 4.000 р. ежегодно, и крохотного из сумм дамского отделения до 2.000 р. Но вот что происходило. «Этот превышающий средства комитета расход повел к разстройству его денежного положения, так как крохотное содержание приюта, требовалось еще ремонт зданий (каких? неужли выстроенного приюта), на что в течение 12 лет израсходовано 17.500 р.*. Жаль, что здесь не разъяснена эта темная история, а она могла бы быть очень поучительна. В заключение тюремный комитет отказывается от всех расходов и передает приют в ведение дамского отделения. Дамское отделение обладало очень богатым запасом филантропических чувств, но весьма скудным карманом. Это отделение имело всего 850 р. в год, а расходы по приюту возросли до 6.000 р. в год. Спрашивается, какой же расчет был создавать такое учреждение, когда не было средств для его поддержания? Фирма торгового дома «Петрова и Михайлова» выстроила дом, они имеют 7 комнат, больницу, мастерскую, столовую, помещение даже для смотрительницы, баню, погреба, прачешни, заводы и т. п. Все это прекрасно, но почему же не было предусмотрено, что все эти заведения потребуют огромных расходов. Никакое земское, никакое городское хозяйство этого не допустило бы. По календарю Западной Сибири видно, что в Томск

существуют кроме того 2 приюта, если не 3, для бедных детей города, и в них 227 детей. Приюты эти обеспечены и не требуют общественной помощи. Что же заставило создавать новый приют, неизменною средству, а не развешать детей в существующие? Ино, что в учреждении подобного приюта было что-то искусственное, а это объясняется огромными расходами из тюремного комитета. Показано, что обществу пришлось за это искусственное здание когда нибудь расписаться. Понадобились жертвы и сборы. Надо было их привлекать искусственным же образом, и вот собрано, благодаря вниманию губернатора, внос. 28.025 р., а общая сумма для содержания приюта и фонд его стоит 47.275 р. обществу. Управление приютом также должно было немыслимо новым начинием. Уверядается новое незначительство с почетными членами из местных купцов и торговцев. Выиграет ли дело при новом управлении и повечество — покажет будущее. Видь и прежде оно управлялось филантропами.

Остается ему пожелать всех благ и, при сосредоточении местных капиталов и привлечении жертвователей, избавлении только от этих недостатков сибирской благотворительности, как то от игры в честолюбие, замешив истинной гуманности, неразборчивого привлечения благотворителей и крайне дурного ведения хозяйственных дел.

К хроник местной жизни по делу бывшего головы, о тем уже было в печати, нам сообщают: После вызова бывшего головы в Енисейск прошло более месяца, а дело оставалось в одном положении. Нония, что дело оттягивается в длинй ящик, Сидоров решил собрать сход, какой и был созван нем в начал мая. Так как заведатель Л. официально запретил созвать сход по делу Сидорова, — то сход был тотворована желанием ходатайствовать перед губернатором: 1) о выдаче из занасного магазина хлеба на обменение полей и 2) об отъезде, по случаю бедственного положения волости, обязательных работ по дорожной повинности, за исключением особенно нужных починков мостов и татей. Когда свидание об этих двух предметах было окончено и оформлено в приговоры, голова предложил избрать двух уполномоченных для личного ходатайства перед губернатором по поводу его столкновения с исарем Коротеньким и заодно уже поручить им представить утвержденные приговоры лично губернатору. Главниа выбрал депутата и уполномочил голову израсходовать на путевые издержки их до 60 рублей из «тунной» сумм. Чрез 6 дней депутаты вернулись из Красноярка ни с чем: насчет хлеба и дорог из кое-что общади, да не исполнили: о головах же они и не знали, так как люди, к которым они обратились за составлением прошения (им велено было подать об этом письменное прошение) сильно наугали их, шароанов из их ужасных посядствств, которым они могут подвергнуться за такую прозорность.

Дело на время затихло. Но вот прибыл в Вязое для производства свидения по делу Сидорова губернский стряпчий. Он поохотился с заведателем и исарем, потоголовал о пользе общего мира и согласия — и улетучился. За ним прибыл в с. Вязое следательно для ревизии торгово-промышленных заведений яновичев особых поручений енисейской казенной палаты. Без неалого права и уполномочия, только из желания угодить г. Л., — от явился с настоящим вь волостное правление, — позвать туда голову, — ядоме с Л. отняли у Сидорова печать и вручили ее кандидату по головах, креатур г. Л.; процедуру эту совершил торжественно, в присутствии крестьян, — желая, так сказать, дискредитировать этиа Сидорова в глазах последних... Между тем, исарь Коротень стал упрекать волостного старосту Кучина в «роздрат» 60 рублей из тунной сумм: это было в июле. Обиженный Кучин попросил собрать сход для учета сумм. Л. наложил свое veto. Кучин, зная, что великий, на руках которого находится волостная сумм, имгнет право требовать учета, отправил кандидата своего Зыряева словесно пригласить, по участкам, общественников на сход. 14-го июня собрался сход, не взирая на грозную запрети-

* Тунной (отъ слова «туня») называется сумм, образованная от сборов с крестьян при проезд губернаторов, архиереев и пр., ввиду незаписываемых.

тельную бумагу заседателя, и потребовать от писаря учета. Король преспокойно заявлял сходу, что сходить для него ничего не значить и выкаких отговорок онъ давать не намѣренъ, поинтерновать на счетъ схода, заперъ канцелярью и ушелъ домой. Такъ какъ составить приговору некому было (помощники Корольева и сельскій писарь отказались), сходъ отправилъ уполномоченныхъ къ попу,—по попу, опасаясь послѣдствій, отказали; обращаются къ новому учителю (замѣнившему Черепанова по протекціи г. Л.), но и тотъ отказался, хоти ему предложили за составленіе приговора 21 рубль. Наконецъ, добры грамота (въ деревнѣ Селмановой), согласившагося составить приговоръ, коимъ два крестьянина (Мироновъ и Русаковъ) уполномочиваются подать прошение отъ имени общества губернатору объ удаленіи писаря Корольева за его мошенничество, выразившагося: 1) въ употребленіи 8 пудовъ жѣлѣза со сгорѣвшаго общественного дома для своего собственного дома; 2) въ утайкѣ, при аукціонной продажѣ, 12 пудовъ ржаного хлѣба, оставшагося отъ умершаго поселенца Егорова; 3) въ сокращеніи двухъ быковъ, подлежавшихъ такой же продажѣ; 4) въ несправильной раскладкѣ податей и повинностей на 1882 г.: иротивъ раскладки казенной палаты оказалось излишне-наложеннаго на каждую ревизскую душу по 43/4 к., въ чемъ и д. исправника, г. Баторовичъ, уличилъ писаря при обществѣ 26-го мая.

Такъ какъ заседателю предлежитъ письменно не давать писарю-говору въ выбраннымъ уполномоченнымъ, то они отправлены 16-го юнія въ Красноярскъ съ однимъ удостовѣреніемъ старосты. 19-го юнія уполномоченные подали прошеніе и д. списейскаго губернатора и получили обѣщаніе, что черезъ недѣлю будетъ присланъ къ нимъ заседатель.

Конца этому дѣлу, однако, и теперь еще нѣтъ. Посылае темные слухи, что предполагается въ скоромъ времени пригласить Ситорова къ свидѣнію серьезнаго свойства. Очень вѣроятно: вѣдь навлекъ же Л. официально и письменно на Черепанова обвиненіе, желая его уличить; почему же не поступитъ такъ и съ Сидоровымъ. Какое завидное вѣстельце у сибирскихъ заседателѣй! можемъ имъ прибавить къ этому извѣстію.

Въ статьѣ, помѣщенной въ „В. О.“ № 18, о миунисскомъ публичномъ музеѣ, вкрадены неточности; намъ присланы поправки, которыя здѣсь и спешимъ помѣстить. Во-1-хъ, основатель музея, г-нъ Мартыновъ питомецъ не казанскаго, а московскаго университета, ученикъ профессоровъ Ан. П. Богданова и Г. Е. Шуровскаго, и отправился въ Сибирь съ опредѣленнымъ намѣреніемъ посвятить свои труды на изслѣдованіе Сибири; во-2-хъ, г. Мартыновымъ не было продаваемо никакихъ древностей даже съ дѣльми выручки средствъ для улучшенія музея; поводомъ же къ подобному сану послужило слѣдующее обстоятельство: въ рукахъ миунисскаго исправника А. Баранова находился золотой bracelet, стоившій 100 руб.; боясь, что эта вещь, а также дѣль серебра и древній вазочки, также находившіяся въ частныхъ рукахъ, могутъ пропасть для науки, въ миунисскіе же музей приобрести такія дѣлота не было средствъ, г. Мартыновъ извѣстилъ извѣстнаго собирателя и знатока сибирскихъ древностей г. Лонгана, которымъ они и приобретены. Въ-3-хъ, миунисская дума состоитъ изъ людей средняго достатка и скорѣе бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ; сумми, отпускаемыя городомъ на образованіе вообще и въ частности на публичный мѣстный музей, весьма значительны, если принять во вниманіе скромный городской бюджетъ. Вотъ свѣтъ расходовъ Миунисска на 1882 г.: на городское управленіе 3924 р., содержаніе пожарной части и острога 3252 руб., учебныя заведенія, музей и библиотека 5050 р. (городское трехклассн. училище 3750 р., женск. гимназія 800 р., музей и библиотека 500 р.), разные расходи 1117 р., всего 13,343 р. Сравните эти цифры съ слѣдующими, замѣшвованными изъ недавно изданной прекрасной книги: „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“: Омскъ изъ общихъ расходовъ 32,279 рублей тратитъ на народное образованіе только 1692 руб., Томскъ изъ общихъ расходовъ въ 139,695 руб. только 7,693 руб., Иркутскъ изъ суммы 190,415 только 14,847 р.; другими словами, Миунисскъ даетъ на школы 37%, Иркутскъ 7%, Омскъ всего 5%.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Кулдыки (корресп. «Восточн. Обозр.»). Граница наша съ китайскими владѣніями проведена отъ впаденія р. Баянгола внизъ по р. Текусу до впаденія въ нее р. Сюмбе, даѣе—вверхъ по теченію послѣдней до Сарытау, отсюда по вершинамъ этихъ горъ и затѣмъ, перейдя черезъ р. Косанъ—по вершинамъ горъ, отдѣляющимъ эту рѣку отъ Карагады, на гору Сарыназай. Переваливъ Бюдотинскій хребтъ, граница пойдетъ на юго-западъ мимо Калдыкта, оставшая поля и орошеніе послѣдняго въ нашихъ предѣлахъ. Въ виду опредѣленности дальнѣйшей границы, комиссаръ генералъ Фриде, уговорившись съ китайскимъ комиссаромъ Чаномъ, выѣхалъ на время въ г. Вѣрный лѣвымъ берегомъ р. Или, по неотложнымъ дѣламъ управленія областью; возвратится онъ уже на р. Борготу, куда комиссія, оставшаяся подъ руководствомъ надъ. совѣтн. Пантусова, поведетъ границу черезъ Хоргоа, уже безъ участія генерала.

28-го августа, комиссія выступила изъ селенія Калдыката къ р. Или на устья р. Хоргоа

Иркутскъ. 25 августа (корресп. «Вост. Обозр.»). Приѣздъ новаго начальника губерній въ Сибирь, можетъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, составляетъ важное событіе. Такое событіе совершается здѣсь 17 августа: приѣхалъ новый губернаторъ, г. Песочный. 19-го былъ у него приемъ должностныхъ лицъ. На этомъ приемѣ г. Новосильцевъ произвелъ приятное впечатлѣніе: онъ со многими разговаривалъ, почти всѣхъ разспрашивалъ о прежней и настоящей ихъ службѣ. Онъ просилъ чиновниковъ помогать ему и знакомить его съ положеніемъ дѣлъ и мѣстными порядками, потому, что хотя онъ и занимался прежде административными дѣлами, но Сибирь имѣетъ свои особенности, а главное, здѣсь нѣтъ земства, гласнаго суда и независимой печати, которая раскрываетъ администраціи глаза на многое, что иначе было бы отъ нея скрыто. Этого отъѣзда подаетъ мѣстной печати нѣкоторую надежду на думнія времена.

22-го былъ приемъ гласныхъ думы и основанныхъ представителей. Наши гласные вообще неохотники до парадныхъ приемовъ: собралось всего человѣкъ двадцать. Въ рѣчи своей гласнымъ губернаторъ указалъ на нѣкоторые недостатки, которые онъ успѣлъ замѣтить въ продолженіи своего недолгаго пребыванія въ городѣ,— между прочимъ на то, что по уличнымъ тротуарамъ нельзя ходить; что поля въ одной изъ пожарныхъ провинцалей; что въ пожарныхъ помѣщеніяхъ живутъ жены и семейства полицейскихъ и пожарныхъ служителей («бѣда команда»); что пожарный обозъ очень несправенъ; и что въ городѣ вовсе нѣтъ наружной полиціи. Последнее обстоятельство онъ приписывалъ тому, что полицейскіе, вмѣсто прямой своей обязанности, занимаются разноскою конвертовъ и тому подобнымъ дѣлами; что полиція страдаетъ многосианіемъ, которое пошитоному сильно развито въ Сибирь, потому что и онъ, губернаторъ, уже заданенъ бумагами, что причиной такого ненормальнаго положенія (отсутствія наружной полиціи) можно считать недостатокъ канцелярскихъ средствъ полиціи. Приѣзду начальнику, пошитоному, еще неизвѣстно, что полиція производитъ здѣсь даже двойную канцелярскую работу, потому что, кромѣ канцелярій полицейскаго управленія, существуютъ еще, не основанная ни на какомъ законѣ, особая канцелярія полиціимейстера, которая, разумеется, также требуетъ расходовъ. При этомъ изъ рѣчи его гласные узнали, что здѣсь существуетъ такъ называемый казенный налогъ въ пользу полиціи, доставляющій ей до 7,200 р. въ годъ. Губернаторъ находилъ этотъ налогъ неправильнымъ и роняющимъ достоинство полиціи и желалъ, чтобы дума приняла

собрание его на себя, и отъ себя уже передавала полиціи. Вообще рѣчь его, въ концѣ-концовъ, свелась на необходимость увеличить средства полиціи. «Мы уже десять лѣтъ слышали эту пѣсню!» — «Полиціи сколько ни давай, все будетъ мало!» думали между тѣмъ гласные. — «Полиціи у насъ очень разрослась; нужно хлопотать объ уменьшеніи ея, а не о прибавкѣ». — «Губернаторъ, какъ видно, идеалистъ: вѣрить въ возможность хорошей полиціи, но мы на своемъ вѣку много видали. Боясь за одно, обязаны отъ его канцелярскіе и полицейскіе крохотки». — «Таковы были отзывы гласныхъ при выходѣ съ пріема и въ разговорахъ потомъ».

Г. Наводаръ (корресп. «Восточ. Обозр.»). Въ административномъ мірѣ существуетъ обычай—сбора пожертвованій въ пользу разныхъ комитетовъ, обществъ, а иногда и на устройство публичныхъ садовъ. Пожертвованія эти часто бываютъ почти вымучаемыя. Форма вымогательства бываетъ различна, но при всѣхъ измѣненіяхъ этой формы вымогающіе играютъ роль весьма некрпавую. Начальникъ, неприступный въ другое время, при желаніи привалить извѣстнаго субъекта къ подишка на крупную сумму, видоизмѣняется. Какой-нибудь эксплуататоръ, чуть не воръ—кушчина, варагъ, къ своему изумлению, встрѣчаетъ самый любезный пріемъ, приглашается въ кабинетъ, усаживается на мягкій диванъ; ему предлагаютъ чай, сигары... въ результатѣ—подишка и получение сотняги или нѣсколькихъ сотенъ рублей. Я не говорю здѣсь объ униженіи достоинства начальника, это его личное дѣло; но въ комедіи этой есть очень грустная черта.

Процессъ и результаты такихъ добровольныхъ жертвованій являются во всемъ своемъ безобразіи при практикованіи этого достоянннго пріема въ средѣ массы, стоящей на низкой степени развитія. Я расказу, что выходитъ изъ этихъ пожертвованій въ степи, между киргизами. Весьма интересно!

Уѣздные начальники, состоя предѣтелями тюремныхъ комитетовъ, имѣютъ у себя листы для сбора пожертвованій. Листы эти они обыкновенно берутъ къ себѣ на домъ, а иногда и возить по волостямъ, собирая якобы добровольныя лепты. Вообразите уѣзднаго начальника, ухаживающаго за обрившимъ и оплывшимъ жиромъ полудикаремъ, умѣющимъ съ трудомъ выговорить нѣсколько словъ по-русски, всѣ заботы котораго устремлены на то, чтобы воспользовавшись случаемъ провести въ управленіе своего родственника и столкнуть съ мѣста своего врага, пли-же просто зарасположить въ свою пользу уѣзднаго на случай скандала по поводу принятія краденыхъ лошадей, а не то—и поуже. Не можетъ-же уѣздный начальникъ, несмотря на свою власть, приказывать жертвовать, и вотъ онъ своего подчиненнаго гостя угощаетъ чаемъ, говоритъ въ то время, когда его слушаетъ сонить, безсмысленно хлопая глазами, и прсысаетъ только тогда, когда услышитъ рѣчь о деньгахъ; особенно лѣзетъ въ карманъ и торопится узнать, сколько нужно? Ему итъ дѣла, куда эти деньги пойдутъ, онъ знаетъ, что даль уѣздному и считаетъ себя въ правѣ расчитывать на его покровительство. На случай надобности. По отъздѣ уѣзднаго, или по выходѣ изъ его квартиры, если это было въ городѣ, онъ съ должнымъ анлобомъ расказаетъ въ кругу многочисленныхъ слушателей, обитателей степи, какъ его угощалъ уѣздный чаемъ, пожалъ руку и взялъ столько-то руб., не преминувъ при этомъ удешевить сумму, дѣйствительно имъ данную. Понятно, что изъ этого выходитъ. Богатый киргизъ, одурѣвшій отъ яду и незнающій, куда дѣваться съ деньгами, получаемыми имъ десятками тысячъ изъ Оренбурга за быковъ, взятокъ у бѣдноты за бездѣнокъ, приобретаетъ въ глазахъ бѣднаго кочевника

многочесную силу... Этого полудитъ можетъ безнаказанно убитъ челоѣкъ: на него никто не дозесетъ.

Насколько киргизы умѣютъ пользоваться подобными поступками начальства, можно судить по слѣдующему пріему. Недавно, по распоряженію семипалатинскихъ губернскихъ властей, было командировано нѣсколько челоѣвъ казаковъ, подъ начальствомъ какого-то чиновника, для поимки киргиза, осужденнаго за воровство лошадей; казаки исполнили свою миссію исправно: явились въ аулъ внезапно, причемъ страшно перепугали населеніе, и схватили искомаго киргиза. Нужно знать, что арестованный киргизъ обитался вмѣстѣ съ другими своими соратниками въ томъ, что нынѣ они угнали изъ табуна богатаго киргиза Наводарскаго уѣзда 140 лошадей, причемъ будто-бы связали пастуховъ, бывшихъ при табутѣ, т. е. употребили скорѣе насилія, чѣмъ простое воровство, подлежащее суду биевъ, препратили въ грабежъ, за что, по рѣшенію семипалатинскаго областного правленія, осужденъ въ каторгу. Исторія эта весьма темная и, вѣроятно, въ будущемъ о ней придется порасказывать много интересныхъ вещей; но дѣло пока въ томъ: вслушайтесь, какъ воспользовался самымъ фактомъ ареста истецъ. Вскорѣ послѣ ареста, онъ мнѣ расказывалъ объ удачѣ, постигшихъ его противниковъ. Несмотря на плохое обладаніе русскимъ языкомъ, онъ такъ живо нарисовалъ картину обихватныхъ шапшекъ и направленныхъ на арестуемаго революперовъ и вообще всю процедуру ареста до связыванія рукъ назадъ включительно, что и мнѣ стало жутко. Вообразите-же, какое дѣйствіе произвелъ такой расказъ, переданный на родномъ киргизскомъ языкѣ, приправленный мизанкою и жестами, на простаго киргиза? Если же при расказѣ не будетъ упущено изъ виду—внушить слушателямъ, что всѣ эти ужасы напущены на опальный аулъ только по его, расказчика, просьбѣ и для охраненія его табуновъ, то дѣлается понятнымъ, чего онъ можетъ достигнуть. — «Я тебя съѣмъ какъ зайца,—свою въ острогъ, сошлю въ каторку, какъ сосала такихъ-то», — угрожалъ скорѣе посягъ мой расказчикъ какому-то бѣдику, осмѣлившемуся въ чепъ-то противорѣчить ему.

Киргизъ этотъ наводитъ панической страхъ на волость и дѣлаетъ, что хочетъ; на дняхъ провалъ своего брата въ управленіе. Какъ видите, туземный наукъ ловко сумѣлъ эксплуатировать въ свою пользу строгое распоряженіе областного начальства и постарался крѣпче затянуть петлю, заброшенную имъ на шею бѣднаго населенія.

—Господа уѣздные начальники, какъ вы думаете, во сколько обходится населенію каждая сотня, подписанная моимъ расказчикомъ въ ваши подишныя листы?...

Теперь посмотримъ другую сторону разсматриваемаго нами вопроса.—Могутъ, нацирѣмъ, заявить теперешнему наводарскому уѣздному начальнику г. Афанасьеву, что мнѣ не одинъ разъ пришлось высудивать стѣнованія киргизовъ на то, что онъ, г. Афанасьевъ, беретъ взятки по 10 руб. —Я увѣренъ, что ни одинъ уѣздный начальникъ не возьметъ взятку въ 10 руб., потому что это—зорная сумма, недопускаемая въ практикѣ, и предполагаю, что г. Афанасьевъ беретъ по 10 руб. въ пользу тюремнаго комитета; но для киргизовъ безразлично, куда идутъ деньги, они говорятъ, что уѣздный беретъ по 10 р. и возмущаются. Что же можетъ дѣлаться въ волостяхъ, въ глубокой степи, откуда и въ уѣздномъ городѣ рѣдко что можно услышать? Традиціонные обычая массы.—главный регуляторъ гражданской жизни кочевника, часто служатъ только средствомъ для болѣе ловкихъ людей въ обманію массы и держанію ея въ экономической зависимости.—Безъ сомнѣнія, въ такомъ печальномъ положеніи дѣла виноваты въ

они сборы по подниманию ластам: жизнь ковенная, основанная на немногих обмалках, при столкновении съ порядками цивилизованнаго государства, должна видоизмѣниться, и, по общему закону, на первых порахъ,—въ худую сторону; но обязанность цивилизующаго государства не увеличивать число вредныхъ вѣяній на жизнь и безъ того обездоленнаго стеника, а уменьшать; въ числѣ такихъ уменьшений должно, по моему мнѣнью, стоять и запрещеніе убожамъ начальникамъ дѣлать какіе либо сборы въ стѣхъ присутствіи; а также нравственно ихъ обязанность должно быть условіе—неподержки, прямымъ или косвеннымъ путемъ, богатымъ кривизной, сдѣланнымъ истиннымъ бичемъ Божиимъ своей меншей братіи. Я понимаю эту поддержку въ виду политическихъ соображеній, когда-то, при завоеваніи стени; теперь же эти соображенія могутъ только маскировать соображенія—чисто карманныя.

Тюмень (корресп. «Восток. Обозр.»). Въ прошлой своей корреспонденціи я замолчал на неподожжаніе тюменской общественной жизни, по умолчал объ отраженіи ея, теперь полною стотю пробѣлъ. Отраженіе ея, разумеется, заключается въ дѣятельности, или лучше сказать, въ бездѣятельности здѣшней городской думы. Нашъ муниципалитетъ (представьте себѣ!) въ продолженіи всего дѣятнаго сезона едва ли имѣлъ даже до двухъ состоявшихся засѣданій, между тѣмъ на очередь, требующей скорѣйшаго разрѣшенія, поставлено много весьма важныхъ вопросовъ, которые, казались-бы, должны были интересовать какого угодно аналитичнаго гласнаго, дае гласнаго нашей думы. Чѣмъ объяснить такую небрежность въ отвлеченіи своихъ обязанностей? Отвѣтомъ на это, я полагаю, можетъ служить, во-первыхъ, непопулярность тѣхъ, которые состоятъ во главѣ обществнаго управленія городомъ. Во-вторыхъ, немудрые нашихъ прѣдѣлѣствующихіхъ въ думѣ ставить вопроса, руководить преніями, изложить резюме и т. д., сдѣлать чѣмъ является лишняя потеря времени, безплодность разсужденій, что дѣйствуетъ стнотворно на гг. гласныхъ, почему они и предпочитаютъ спать лучше у себя въ дѣмѣ, чѣмъ въ городской думѣ.

Въ 3-хъ, недостатокъ людей независимыхъ и въ то же время умѣющихъ быть гласными безблагосланныхъ—вотъ эти-то причины въ связи съ тѣми, о которыхъ я не упоминалъ, по которымъ замѣчены уже давно въ нашей прессѣ, и приводятъ къ безразличности наши общественныя учрежденія. Къ послѣднему считаю нужнымъ присоединить еще одно замѣчаніе: по всѣмъ признакамъ и помѣняемому мною настроенію я полагаю, что въ случаѣ даже появленія людей, которыхъ я характеризовалъ, какъ умѣющихъ быть гласными и людей образованныхъ—эти люди встрѣтятъ не поддержку, а напротивъ тайную и явную оппозицію со стороны многихъ нашихъ Сергѣевъ-завривалъ; также полагаю, что присоединятся къ нимъ и нѣкоторые изъ тѣхъ «образованныхъ», которые уже играютъ ту или иную роль въ общественной жизни. Впрочемъ, это бывало и бываеъ не въ одной Тюмени вмѣсто того, чтобы сплотиваться нашей интеллигенціи, и безъ того немногочисленной, она раздѣляется и такимъ образомъ даже въ этомъ случаѣ не хочетъ подлинить свои личные интересы общественнымъ. Многое бы можно сказать на эту тему, но опаснее слишкомъ растянуть мою корреспонденцію, почему приведу здѣсь только цифры думскихъ бюджетовъ, которые представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Приходъ:		Расходъ:	
Слѣдуетъ по словесу.	Дѣйствительно произведено.	Слѣдуетъ по словесу.	Дѣйствительно произведено.
1877 г. 70 т. р.	59 т. р.	88 т. р.	57 т. р.
1878 г. 66 т. р.	60 т. р.	94 т. р.	55 т. р.

1879 г.	78 т. р.	84 т. р.	117 т. р.	87 т. р.
1880 г.	81 т. р.	69 т. р.	120 т. р.	71 т. р.
1881 г.	70 т. р.	69 т. р.	101 т. р.	69 т. р.
1882 г.	72 т. р.		93 т. р.	

Изъ представленной таблицы, во-первыхъ, видно, что въ бюджетѣ у насъ постоянные и снѣтные и дѣйствительные дефициты; во-2-хъ, сразу бросаются въ глаза громадные по отношенію къ такому городу, какъ Тюмень, расходы. На послѣднее могутъ возразить, что, значитъ-де Тюмень много тратитъ на мостовыя, освѣщеніе, на пародое образованіе, что она находится въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ. Читатель, незнающій Тюмени и представляющій такое возраженіе, глубоко ошибется. Мостовыи въ Тюмени—совсѣмъ нѣтъ и даже котормъ былъ, то мы, чтобы съ ними не безбожничать, ихъ уничтожили; освѣщеніе у насъ ограничивается 130-у фонарями, на что дума ассигнуетъ рублей 700 въ годъ; народное образованіе у насъ не въ авантажѣ: 15 лѣтъ и даже болѣе назавъ у насъ было 3 приходскихъ училища мужскихъ и одно женское для дѣвочекъ, и теперь оно, въ отношеніи числа училищъ, представляется въ томъ-же самомъ видѣ, и можно было бы сказать, что оно абсолютно стоитъ на точкѣ замерзанія, если бы частное лицо не построило реальное училище, которое поглощаетъ изъ городской кассы 10 т. р.; о гигиеническихъ условіяхъ... виновать, мы въ этомъ отношеніи находимся въ такихъ условіяхъ, что можно говорить только объ антигигиеническихъ.

Впрочемъ, о томъ, въ какихъ гигиеническихъ условіяхъ живемъ мы среди нашихъ самотенныхъ, портящихъ воздухъ, и коженыхъ, портящихъ воу, заводовъ, мы расскажемъ еще цѣлую притчу. А теперь только хотимъ напомнить, что тюменскій Кондратъ все еще не цивилизовался настоящимъ образомъ, хотя въ немъ есть и Кондрашкины дѣти. «И желѣзную дорогу проведутъ къ намъ, говоритъ обыватель, а все-таки долго еще у насъ будетъ это самое снѣтство!» Такъ или порои остается самъ себя. Можетъ быть, сознаніе—начало исправленія.

КАКЪ МЫ ОТЫСКИВАЛИ НОВЕВЪ КОВЧЕГЪ.

У алтайскихъ племенъ сохранилось о потоцѣ слѣдующее преданіе. До потопа царемъ нѣсь земли былъ ханъ Тенгисъ (море). Въ царствованіе его былъ славецъ по всей землѣ челоуѣкъ, по имени Нама, которому Ульгенъ (доброе боже-ство) велѣлъ построить корабль (кереп) изъ дерева ади ра салдан ага ш (испытанное судальное дерево). Нама приказалъ своимъ тремъ сыновьямъ Соозун-уулу, Сар-уулу и Балтисѣ, строить корабль на горѣ. Нама былъ слабъ зрѣніемъ; поэтому при строеніи корабля распоряжался старшій сынъ его. Корабль, по повелѣнію Ульгена, изнутри и снаружи обклеили берестой со смолкою; къ угламъ и стѣнамъ его Нама велѣлъ привязать 8 веревокъ, длиною по 80 саж. съ чугунными кружками на концахъ. Соозунъ спрашивалъ Наму: «дѣя чего эти веревки?» Нама отвѣчалъ: «мы узндемъ по этому, сколько будетъ сутокъ, когда поднимется вода на 80 саж.». Когда корабль былъ построенъ, Нама собралъ всѣхъ людей, кого онъ любилъ. Ибо такъ Ульгенъ сказалъ ему: «Кого ты любишь, того возьми съ собою, и всякое животное и домашнее, и птицъ летающихъ». Когда Нама съ своимъ семействомъ и друзьями своими пошелъ въ корабль, тогда приступило къ нему множество животныхъ. Нама приказалъ принимать приходящихъ звѣрей и птицъ въ корабль,

Союзъ-уул спросилъ: «вотъ здѣсь приползла змѣя, позво- лишь ли принять ее?» Нама сказалъ: «всѣхъ принимаю, кто бы ни былъ, кто только успеетъ притти, кто только пойма- ется за корабль». Потомъ Нама спросилъ находящихся въ кораблѣ: «видите ли что-нибудь?» Ему отвѣчали: туманъ и тьма по всей землѣ. Тогда вода прорвалась изъ подзем- ныхъ жилъ, и начала высккивать изъ ручьевъ, рѣкъ и мо- рей, и устремилась на землю. Съ неба поднялся также вода. Когда корабль поднялся на 80 саж., а вода все прибывала, тогда перекы оторвался отъ привязаннаго груза, и корабль началъ плавать. Нама сказалъ: «вотъ уже седьмая сутки.» Когда миновало 14 сутокъ, тогда Нама приказалъ Союзу открытъ туунукъ (труба или окно сверху свода) и посмотре- ть. Союзъ, исполнивъ приказаніе, сказалъ: «все затоплено водой, только видны вершины горъ». Черезъ вѣскольце вре- мени Нама еще приказалъ Союзу открытъ туунукъ. Союзъ, посмотрѣвши во всѣ стороны, сказалъ: «ничего не видно, только небо и вода». Наконецъ, корабль остановился на двухъ горкахъ, близко стоящихъ одна къ другой: Чомгоодой и Тулутуи. Тогда Нама самъ открылъ отвергіе и выпустилъ ворона. Воронъ не возвратился. На другой день Нама вы- пустилъ ворону, и она назадъ не прилетѣла. Въ третій день выпустилъ онъ соороку, но безъ пользы, и въ четвертый—голубя. Голубь прилетѣлъ и принесъ березовую вѣтку. Нама спросилъ голубя о прежде выпущенныхъ птицахъ. Голубь отвѣчалъ: «воронъ нашелъ марала (лось), ухватяго въ ка- менномъ ущельѣ и клюетъ глаза его. Ворона нашла собаку и клюетъ ей задъ. Соорока нашла коня и клюетъ хребетъ его». Тогда Нама проклялъ ихъ, сказавъ: «что теперь они дѣлаютъ, то пусть дѣлаютъ до конца вѣка. Воронъ пусть клюетъ глаза у навшихъ животныхъ, ворона — задъ, а соорока хребетъ пусть клюетъ. Ты же, сказавъ онъ голубю, мой вѣрный слуга, благословлю тебя до скончанія вѣка жить вмѣстѣ съ моими потомками».

Алтайцы приносятъ Намѣ, подъ именемъ Янкъ-хава, въ жертву бѣлую овцу, на высокой горѣ, преимущественно весной; также при всякомъ шаманствѣ молятся ему, чтобы про- водилъ къ Ульгеню. Въ 40-й день, по смерти кого-либо, Янкъ- ханъ призывается для очищенія юрты, причѣмъ къ постелѣ умершаго привязывается вѣтухъ, изображающій смерть и изгоняется камомъ или шаманомъ. Оттого вѣтухи у инородцевъ въ пищу не употребляются. Еще призывается Янкъ-ханъ въ томъ случаѣ, когда не ведется скотъ. Инородцы вѣрують, что умершіе родственники уводятъ скотъ съ собою въ жилище мертвыхъ, откуда Янкъ-ханъ, при жертвоприношеніи ему, выгоняетъ его потопомъ. Камъ представляеть, что онъ приходитъ будто бы въ жилище душъ умершихъ родственниковъ (узуттер іеріне) изъ того семейства, у коего камуется; разговариваетъ съ ними, поддучетъ ихъ виномъ, напавшая до-пьяна, разговоры ихъ произносить ихъ голосами и всѣ дѣйствія выражаетъ подобно имъ. Въ разговорахъ и пѣсняхъ камъ представляеть: какъ умершіе, напившись, поютъ пѣсни и проч., какъ притомъ внезапно входитъ потопъ въ жилище умершихъ; представляется смѣтеніе, ужасъ и безпокойство каждаго лица изъ умершихъ и прекращеніе потопа сильнѣею земли и зоды. Камъ, пользуясь смѣтеніемъ, уговяетъ у нихъ скотъ; умершіе будто бы кричатъ вслѣдъ ему и посылають погоню. Въ началѣ представленія всѣхъ этихъ дѣйствій шаманъ мараетъ свое лицо сажей, чтобы

умершіе не узнали его. Когда же они догадываются, что ша- манъ пришелъ отъ нихъ живыхъ родственниковъ, то онъ уба- риваетъ ихъ, что соебѣмъ ихъ не знаетъ и т. п.

Вопросъ—гдѣ остановился Ноевъ ковчегъ—сильно за- нимаетъ пашихъ инородцевъ. Алтайцы—телегиты остановленіе ковчегъ присвоиваютъ своей мѣстности, указывая даже на ущѣлвннй будто-бы отломокъ отъ ковчегъ на горѣ близъ устья р. Чемаза. Напротивъ, алатагцы—татары Кузнецкаго округа утверждаютъ, что ковчегъ обохъ на вершинѣ горы Улу-дага (большая гора), на дѣловъ берегу р. Мраси, гдѣ сохранился-де и до сихъ поръ огромныя плахи съ громад- ными шиплами отъ ковчегъ. Гора Улу-дагъ находится въ мнѣхъ миссіонерскихъ владѣніяхъ. Если по правдѣ ска- зать, то у миссіонеровъ никакихъ владѣній не имѣется, во вѣдѣніи ихъ у мѣстныхъ мыслителей почему-то представляются именно владѣніями. Поэтому, и мы удерживаемъ этотъ терминъ, такъ какъ слово-то хоронее, хотя въ дѣловъ слу- чаѣ и не имѣетъ смысла. Разговаривая съ воевокрещенныи чадами своихъ владѣній о разныхъ предметахъ, мы консу- лились и останковъ ковчегъ, выразивъ притомъ нѣкоторое сомнѣніе. Инородцы старались разогнать всякую тѣнь ва- шего сомнѣнія, и на вопросъ нашъ: можетъ ли кто-нибудь изъ нихъ показать намъ останки отъ ковчегъ?—отвѣчалъ съ такою положительною рѣшимостью, какъ будто дѣло шло объ указаніи какой-нибудь пихты. Разсужденія эти происходили въ юртахъ крестника моего—Ончуна, при р. Бугунчи, не далеко отъ подошвы горы Улу-дага. Онучуъ—человѣкъ основа- тельный и охотникъ замѣчательный, прошедшій и испытывавшій свою тайгу вдоль и поперекъ, добывавшій за-разъ по десяти мараловъ въ загородахъ съ насталенными въ раз- ныхъ мѣстахъ самострѣлами—шергями, а бѣлку, не шваче стрѣляющій, какъ въ мордочку, чтобы не портить шкурки. Въ юртахъ его считается 41 душа подвѣдомыхъ ему родственниковъ—дѣтей, внуковъ, племянниковъ и т. д., и вса эта патриархальная семья въ урожайный годъ добываетъ не одну сотню пудовъ орѣховъ съ кедровъ улудскихъ. Два сына Ончуна выстроили себѣ по дому съ двумя комнатами, раз- дѣленными сѣнями, но самъ Ончунъ не измѣнилъ дѣдовскихъ преданій—остался въ юртѣ, которую предпочитаетъ всякому дому. Мы, съ своей стороны, находимъ такую отнѣку юрты понятною и справедливою, ибо домъ требуетъ чистоты и опрятности—качествъ, недостающихъ у черновыхъ инородцевъ. Въ черни, или тайгѣ, рядомъ съ юртами встрѣчаются и домики. Но въ этихъ домахъ жить вредно не только че- ловѣку, но и всякому животному. Этотъ-то самий, положи- тельный Ончунъ и выказалъ быть обличителемъ нашего вѣр- ния, проводникомъ и посредникомъ къ осзанію останковъ Ноева ковчегъ.

Утромъ 11 июня, напившись чаю и взявши съ собою на дорогу сухарей, мы отправились съ Ончуномъ въ предка- щій намъ путь. Но предъ отравкою еще произошелъ слѣдую- щій эпизодъ: приготовленный подъ меня конь, по увѣренію хо- зяина, смиренный, никакъ не допускалъ меня къ себѣ. Лишь только и подожду, конь на дыбы. Предполагая, что онъ дѣ- чится постороннихъ людей, я предложилъ толмачу своему по- пробовать сѣсть на него. Толмачъ сѣлъ спокойно, нохвалъ немного и слѣзъ. Вѣроятно, думаю я, конь боится моего кожанаго халата. Синхуе халатъ, я сталь подходить къ коню, но онъ опять на дыбы. Что за причина? Осталась одна

мой, необычная у широдневье, съдая борода предпологаемою причиною нерасположеню ко мнѣ коня; но какъ изъ-за лошадиной прихоти мнѣ не приводилось обрѣзать ее, то я попробовалъ подвизать ее платкомъ, и тогда конь спокойно дозволялъ мнѣ съѣсть на него.

Мы сначала отпрянулись вверхъ по р. Бугучи и пересѣкли двѣ падающія съ Улу-дага рѣчки Тарлаи-тушкен и Шамши. На пути намъ встрѣилась богатая растительность, свойственная черни *).

*) Кедръ (алт. мѡш, журуу, алад. кузукъ агажы), сосна въ небольшомъ количествѣ (карагай), пихта (алт. чѣб; алад. шѣбе) береза (алт. каймы; алад. казы), осина (апса), черемуха (алт. ымырты, жодро, алах, ымырты), рябина (алт. караган; алад. дерево ундреш, шода се йбе), ольха (алт. ееве; алад. шилъ-агаши, тополъ (тегев), ель (теген), оскоръ (алт. жудер; алад. жегдере), боярка (алт. толдоно; алад. толмаина, тѡ), вазица (алт. алам; алад. шанап), жимолость (алт. зуут агажы; алад. ат бурду, тогузанъ а-жы), маина (алт. агаш жѣлек, алад. агаш жѣтеги), смородина черная (каранат), красная (алт. кышмажак; алад. кышмажак), князика (казырган), бузина (алт. емеген собѡг; алад. зуут агаши, тѡрелаш агажы), волче лыко (*Daphne Mezereum*; алт. бѡей, алад. озый), горохонецъ (аканца, алт. шавныя, алад. кастык), таволга, шиповникъ (тегевек), крушина (алт. таш ардык; алад. зуут ымырты), витревница (алт. кой чечек; алад. пессе неси), вересъ (алт. арчы; алад. аржан) маинка (пес), фиалка желтая (*Viola Altaica*) и синия (collina); стародубка (*Adonis vernalis*), лютичъ-желтый (и уи кургуш, моры, оранжевый (и уи енез), аконитъ разныхъ видовъ широко-листныхъ (кебес, нуру еабѡ), —шющия (ага жегебѣжѡ), —шющича (о еабѡ), борщевъ (*Delphinium intermedium*), Марьяно коренце (*Ranunculus anomala*, алт. чайна баш; алад. шебенебаш, шегене, каймы), собачки (*Argemone*, ит оду, сарылчаг-от, алт. кой тутган), зѣброухъ (пизан оду), горошекъ (кастык-оду) —гушый (аг кабары, маранча оду, туеу оду) —визль (параш, нуру тартыкы, кас кургага оду) —бѡголювникъ (*Spiraea ulmaria*, еас. шайы, кундуе оду), кирей (жѡг оду), шпривонникъ (еас комургай, каба оду), реневникъ (Ларра, алт. уак, тегевек; алад. абылатка, аблатый, катыг от), серпуха (алт. серпте, алад. поз оду), матъ-мачиха (сай оду), майникъ (*Majanthemum bifolium*), медвѣжье ухо (*Verbascum thapsus*), тысячелистникъ (сай оду), гвоздика, василежникъ (апшак тѣезѡ, апшак сыгазы), гуляница чихотная (*Parnassia vulgaris*) сарана (саргай, кайта), Бѡрьево коня (*Veronica longifolia*, есы оду), чертополохъ (*Cirsium heterophyllum*), козоловчича разн. вид. (*Samolus*), козобородникъ (*Tragopogon pratense*), шкерда (*Crepis*, аш енезѡ), плакунъ (*Lythrum salicaria*), поронцъ (*Paris quadrifolia*), бадыртычъ (*Valeriana*), копытны (*Asarum Europaeum*), бѡгородская трава (*Thymus*) подорожникъ (*Plantago major*, табана, жоа оду), лебеда (керсеен, ок кирен), репей (*Rheum sibiricum*, санбар, сялбан), молочай (суг оду), крапива (алт. чалканчак, алад. шалганъ), —глухая (*Lamium album*), хмель (алт. кумдак; алад. кыбнае, кымнак), кукушкины слезы (кок мащанга, улагаты, тегри шат лаган), прысь, слазуць (*All. pilularis*, нагмы), чеснокъ (жер еускум), черешня (*All. persicum*, калба, ачыг от), черница (алт. сырчак, алад. калчмы, карчы), осока (курен), ширей (кышкык, шудун оду), шпорникъ (*Filix mas*, карчы, кабарчы, —femina, надыг оду), купета аянча Вирлеуитн, кытай оду), сорочий агды (*Polygonatum*, мырчак еабѡ), баранникъ (*Agnus*), чистотѣль (кайа оду), татарское мыло (*Lychnis chalcidensis*, еабѡи), борщовникъ (паштырган), дягиль (гараа), —собачій (тогуз уйе му о брак), луизъ-ботунъ (мѡбѡргев), сыбыга (*Seselia*, мырг еабѡ, ишакъ кулага), камышь (пога), шучы трава (еылган оду), хощъ (ымырты, кувшъ кузуругу), чернышникъ (колей оду), бархатникъ-медунчикъ (кара жѣлем, кѡк оду, тукту улес), жабрей (тегевек, кадыг аза оду), дула (мыргы), природная игола (журбѡш), клеверъ (тебе оду), аманъ (сарыг оду, алыче), бузина черная (тогулак оду;

Ъхали мы тропами охотничьими, а то и вовсе безъ тропы, продираясь между сплошнымъ кедровникомъ, по каменной розе, слегка прикрытой землемъ. Чѣмъ выше мы взбирались, тѣмъ болѣе занимала меня мысль: «какъ въ крест балаи (крестникъ мой) будетъ мнѣ показывать то, чего нѣтъ?». Наконецъ, мы стали приближаться къ обнаженной вершинѣ Улу-дага, заваленной большими глыбами синеватого камня, обросшаго мхомъ и бадавомъ (*Saxifraga*, калчап, кайа шайы). Между камней, на тонкомъ слое земли попадались и другая растительность, но до того топкая, что, напр., цѣпочекъ фидики (*V. altaica*) достигалъ величинъ только серебряного пятячка. Попался также намъ экземпляръ красиваго растенія, прежде нами нигдѣ невиданнаго, котораго мы не могли опредѣлить, на подобіе осоновыхъ, замлетенныхъ иглодъ, затнутыхъ кроющекъ. Татары называютъ его седезен и корнями красить ткани въ красный и малиновый цвѣта. Ыхать дагѣ было нельзя, мы сбѣглились, разбѣдали коней, привязали ихъ къ куруву, чтобы не беспокоили ихъ комары, а сами пошлы вверхъ, по камнямъ. Прокарабкавшись по камнямъ около ста саж., мы подошли къ самой возвышенной части вершинъ Улу-дага, состоящей изъ отвѣснаго, неприступнаго утеса, на который Ончутъ торжественно указалъ своимъ перстомъ, и возвести: «тамъ!»

Но если мы и не видѣли остатковъ отвѣса ковца, за то съ вершинъ Улу-дага, доступной ногѣ человека, насладился необыкновеннымъ зрѣлищемъ окружающей природы. Ончутъ, воодушевившись, какъ самородный географъ, водилъ своимъ перстомъ по разнообразнымъ горамъ и многочисленнымъ рѣчкамъ и поясняя: вошь, гора Чезенебес, на ней озеро аба-гѡл, изъ котораго вытекаеть р. Мураа, дагѣ другія горы; потомъ оныя перечислялъ въ рѣчки. Кромѣ подустоты рѣчекъ, чистыхъ, прозрачныхъ, текущихъ по мелкому гравію, много еще впадаетъ ручьевъ, подъ общимъ названіемъ айы р-чак, колунчак, пулукъ. Вся эта разнообразно-холмистая аладагская мѣстность представляетъ живописную картину, красую которой служатъ находящаяся въ мѡнхъ же обшпрѣвшихъ владѣнїяхъ г. Муз-гат (ледная), про которую можно сказать съ поэтомъ:

Музгакъ, какъ грань алмаза,
Сѣтѡми вѣчными сияетъ!

Прот. В. Вербицкій.

АВТОБІОГРАФІЯ С. С. ШАШКОВА.

III.

Жизнь вообще была и безсодержательная и мрачная, и только весна да лѣто приносили съ собой много радостей. Когда таятъ снѣгъ и нашъ громадный городъ превращался въ настоящее озеро, я строилъ плоты и плавалъ на нихъ въ старомъ корытѣ, дѣлалъ вѣтренныя меленки, со страстью занимался птицеводствомъ, цѣлые

ароду; повелюка (айна улес), незабудка (неучѡду, ылан карага), душица (чалчач, чапшы елов), девятисильнъ (*Tanacetum*, толчу бажы елов, мартка баштыг от), аржанецъ (кырба елов), курсульцъ *Caltha palustris*, пага карага), шавель конскій, левокъ блѡ, и шюетъ., атрагена (*Atragene alpina*), орлякъ (*Alquilegia*), погрѣмушки (*Silene*, шымшакъ жастага, копра паштыг от.

дни проводить в саду, на дворе, на улицах, лазить по крышам, или муштровал брата и сестру, обучая их солдатской шпигетикѣ. Я рос, можно сказать, съ учеными мальчишками, хотя и мало стѣснялся, попадая по временамъ въ аристократическія палаты знакомаго моего отца, золотопромышленника К. Я. Дарагана, бывший дум которого превращенъ въ губернаторскій. Бывалъ я также въ двѣмъ институтѣхъ, гдѣ отецъ училъ лѣтнюю, и институтки, случалось, нѣжно цѣловали, можетъ быть, даже «обожаля» меня, 10—12-лѣтняго. Но, все-таки, я болѣе симпатизировалъ уличнымъ мальчишкамъ и дѣвчонкамъ, цѣмъ баричамъ и барышнямъ. По праздникамъ и въ канікулы у насъ жила въ обыкновенно дальній родственникъ отца, семинаристъ Михайло, сынъ дьякона подгородной Нижнеудинской слободы. Худой, тощій отъ казенныхъ харчей, плохо учившійся, онъ зналъ и рассказывалъ множество сказокъ, превосходно дѣлалъ птички клѣтки и змѣйки и былъ специалистомъ по ужению рыбы, для котораго я съ братомъ и онъ часто ходили на озеро по якутскому тракту, съ чаемъ и закуской, и проводилъ тамъ цѣлые дни, ловя карасей подъ палачами лунами лѣтняго солнца. Лѣтомъ мы всемъ семействомъ, иногда съ тетками и С—выми, ѣздили на цѣлые дни въ поле, преимущественно на Косой-Бродъ на Упатовкѣ, а также «по грибы» или «по ягоды». Нравился мнѣ также и лѣтняя пѣшеходная пилигримства къ мощамъ въ Вознесенскій монастырь; ясное золотое утро, переѣздъ черезъ красавицу Ангару, табуны, пасшіеся на лугу, пять верствъ медленнаго шествія, а послѣ обѣдни чаепитіе подъ огромными кедрами на берегу Ангары. Мощей я ужасно боялся лѣтъ до 15. Сначала это былъ страхъ совершенно безотчетный, потомъ онъ принялъ опредѣленную форму, небезынтересную для психолога. Скажу напередъ, что въ то время никакихъ религіозныхъ сомнѣній у меня еще не возникло, никакого религіознаго вольнодумства я не слыхивалъ. Но какъ только, бывало, я войду въ церковь, гдѣ мощи, во мнѣ какой-то внутренней, совершенно непокорный мой вождь голосъ начинаетъ шептать нѣчто святотатственное. Я трясусь отъ страха, молось, но голосъ твердитъ одно, особенно въ то время, когда я иду прикладываться. Прикладываюсь—и трещу, что сейчасъ разразится меня. Въ то же время я нерѣдко выдвѣивалъ сны, отъ которыхъ просыпался съ холоднымъ потомъ, по поводу раки съ мощами. Помню также, что видъ мертваго тѣла всегда производилъ на меня ужасное впечатлѣніе. Когда мнѣ было еще 1½ года и меня поднесли къ трупу маленькаго брата, чтобы проститься, я плюнулъ ему въ лицо. Во всю свою жизнь я только два раза рѣшился посмотреть въ лица покойниковъ, и не забуду ихъ никогда. Это не боязнь, а ужасъ слишкомъ впечатлительнаго чувства жизни. Суевѣрныя основы тутъ никакой. Что же касается скептицизма, то первую возбуждительнощю его во мнѣ была вынычавшая всѣхъ насъ старая нянька. Когда, бывало, я расшалось въ комнатахъ, она все твердитъ мнѣ: «вотъ уже тебя Богъ камешкомъ убьетъ!» Я и началъ думать, какой же это такой камень у Бога? Наконецъ рѣшилъ, что нянька такъ называетъ шаръ въ рукѣ Спасителя на иконѣ, вѣсившей у насъ въ залѣ. Какъ-то расшалившись, я вдругъ вспомнилъ нянькину угрозу и, убѣжавъ отъ образа въ другую комнату, выглянулъ потихоньку изъ-за дверей, чтобы посмотреть, не хочетъ ли бросить? Увидя, что нѣтъ, я уже нарочно пробѣжалъ мимо образа во второй и третій разъ. Объ этомъ я не сказалъ никому, да и вообще, вслѣд-

ствие вспыльчивости отца во всѣхъ насъ развилась скрытность и, что можно было, мы дѣлали потихоньку, за что намъ иногда и доставалось. Между тѣмъ въ дѣвской душѣ возникало немало тревожныхъ вопросовъ, но скрытность не дозволяла обращаться за рѣшеніемъ ихъ къ старшимъ и приходилось до всего додуматься самому. Какъ-то, конечно, изъ разговоровъ другихъ, у меня составилось понятіе, что есть дѣти законныя и незаконныя, что незаконныя несчастны, что отецъ незаконно—не мужъ матери, а какой-нибудь посторонній мужчина, что незаконными называются тѣ, которые родятся внѣ брака или до истечения 9 мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія родителей. Затѣмъ меня поразила тотъ фактъ, что мать и отецъ праздновали годовщину своей свадьбы 4-го, а мое рожденіе 5-го ноября. Слѣдовательно, я—незаконный, такъ какъ родился напередъ свадьбы. Кто же мой отецъ? Я рѣшилъ, что архіерей, такъ какъ моя свертница, дочь дьяконницы N, считалась архіерейскою дочерью¹⁾. Эти открытія долго мучили меня, и я успокоился лишь тогда, когда узналъ, что хотя родители дѣйствительно вѣнчались 4-го, а я родился 5-го ноября, но родился черезъ 2 года послѣ вѣнчанія. Около того же времени, когда мнѣ было 10 лѣтъ, я влюбился въ молодую красивую вѣщанку Наталью Кирилловну, квартировавшую съ мужемъ у насъ во флигелѣ. Во флигелѣ была наша кухня, отдѣленная отъ квартиры П. только деревянною перегородкой, вѣдходившею до потолка. Я проводилъ у П. цѣлые дни или, взбравшись въ кухню на печку, черезъ перегородку съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Наталью Кирилловну по цѣлымъ часамъ. Всѣ эти знали и надо мной смѣялись.

Когда мнѣ минуло 7 лѣтъ, рѣшилъ меня учить. Мать показала мнѣ буквы, и черезъ какой-нибудь часъ я уже зналъ всѣ ихъ; на другой день я зналъ склады, на третій уже читалъ. Мною хвастали, какъ чудомъ и купили мнѣ большую ирущенную лошадь, которой два черезъ два я распоролъ ножомъ брюхо, желая узнать, что у нея внутри, потомъ разрубилъ ее на куски, воображивъ себя мясникомъ, торгующимъ говядиною. Затѣмъ пошли латыни, греческій языкъ, русская грамматика и т. д. Отецъ только давалъ мнѣ книги, а учиться предоставлялъ самому, даже почти вовсе не слѣдилъ за мною, и я почти не учился; русской грамматикой, напр., я никогда не зналъ и усвоилъ правила ея чисто навыкомъ. Воспитывая меня дома, отецъ ежедневно долженъ былъ представлять меня въ духовное училище на экзаменъ, но этого не дѣлалъ, а смотритель училища преспокойно выдавалъ билетъ, въ которомъ значилось, что я переведенъ въ слѣдующій классъ. Отцу не хотѣлось отдавать меня въ бурсу, а на обученіе меня въ гимназій у него не доставало средствъ. Самою меня бурса ужасала. Нѣкоторые изъ знакомыхъ мнѣ пѣвчихъ и упомянутый Михайло рассказывали мнѣ ужасныя вещи о розгахъ, въ которыя палачъ буреы К. влеталъ тонкія проволоки, объ инспекторѣ M., который однажды далъ какому-то ученику 1000 розогъ и засѣкъ его до смерти и т. д. Несмотря на это я все-таки мало учился и старался меньше думать о бурѣ, отецъ зналъ это, но не вмѣшивался. За то я читалъ все, что ни попадалось. Прежде всего я прочелъ извѣстный княжескій романъ, «Жизнь кавалера Фобласа», взятый отцомъ у кого-то изъ братьевъ Вознесенскаго монастыря, «Путешествія Швагора», 2 т., «Тысячу одну Ночь», «Ро-

¹⁾ Всѣ эти подробности имѣютъ значеніе психологическое и мы не считаемъ себя вправе исправлять ихъ или извѣщать.

бизнесу Круазо», которого я прочитал семь раз и знал почти наизусть. Между тѣмъ, наступилъ послѣдній годъ моего заочнаго ученія въ бурсѣ, черезъ годъ нужно было поступать въ семинарію, а для этого необходимо было держать экзаменъ наравнѣ съ бурсаками. Отецъ отвелъ меня въ классъ, въ который я началъ путешествовать ежедневно, по два раза въ день. Старое зданіе утихло, въ которомъ прежде помѣщалась семинарія, съ громадными дворомъ, съ темными и холодными корридорами, наводило тоску. Классы зимою никогда не топились, и всѣ сидѣли въ шубахъ. Въ жилыхъ комнатахъ вонь и грязь превозходила всякое представленіе. Розги при смотрителѣ Громовѣ были уже въ меньшемъ употребленіи, чѣмъ прежде, но все-таки часто пускались въ ходъ руками инспекторскаго фаворита) сторожа изъ исключенныхъ бурсаковъ, К. Это были палачъ-артистъ, съ одного удара пробѣсывая тѣло до крови, для чего онъ влеталъ въ розги тоненькія, мягкія мѣдная проволоки, добывавшіяся имъ изъ старыхъ валянокъ. К., впрочемъ, сѣкъ только въ особенно важныхъ случаяхъ, когда бывала «публика». Въ перемѣну между утренними классами, по корридорамъ раздавался продолжительный звонъ большого училищнаго колокола, и ученики всѣхъ классовъ съ криками «публика, публика» собирались въ самую большую комнату низшаго отдѣленія. Приходило начальство, и ученика, провинившагося въ чемъ нибудь особенно серьезномъ, К. сѣкъ немилосердно. Учили въ училищѣ скверно, кромѣ дурацкой долбни да переводовъ съ латинскаго и греческаго, ничего не было. Человѣкъ 10 въ нашемъ классѣ вовсе не учились, и уроковъ учителя никогда не спрашивали у нихъ. Это были такъ называемыя *камачалы*, все великозастыные, лѣтъ по 30 даже, жирные, здоровые, настоящіе кучера.

Въ 1854 г. я первымъ въ спискѣ товарищей былъ переведенъ въ семинарію, учиться въ которой было гораздо труднѣе по одному уже тому, что большая часть учениковъ были рукошленные и уроки приходилось переписывать, чего я, впрочемъ, никогда не дѣлалъ, а передъ классами приготовлялся по чулмѣмъ тетрадкамъ. Въ семинарію поступали тогда воспитанники изъ 4 училищъ, Иркутскаго, Красноярскаго, нерчинскаго и якутскаго, и всѣхъ насъ въ словесности было человѣкъ 60. Сѣченья въ семинаріи вовсе не было, но ректоръ Нифонтъ и нѣкоторые учителя нерѣдко били семинаристовъ, какъ солдатъ. Математику преподавалъ одинъ изъ лучшихъ учителей, Иванъ Петровичъ Токаревъ, человѣкъ очень порядочный, но вспыльчивый до бѣшенства. Предметъ свой онъ хорошо зналъ, но преподавалъ положительно не умѣя, мы ничего не понимали и долбили алгебру съ геометрией наизусть. Непониманіе ученика выводило Токарева изъ себя, онъ обгалъ по классу, какъ обшаренный, ругался площадными словами и, наконецъ, бросался бить ученика. Въ теченіе класса онъ переспрашивалъ и избивалъ человѣкъ 10, и только двое, я да Касьяновъ, не пробоваши его кулаковъ, потому что долбили хорошо, и онъ считалъ насъ знающими. Однажды Токаревъ, спрашивая Горбунова, здороваго малата лѣтъ 20, закатилъ ему плуху, а Горбуновъ, бросивъ ему мѣломъ въ лицо и плонувъ, выбѣжалъ изъ класса. Въшествово Токарева дошло до того, что онъ не могъ болѣе говорить, только дрожалъ и тотчасъ же ушелъ, но съ этихъ поръ сдѣлался тише воды, ниже травы и уже никогда ни дрался, ни ругался. Инспекторомъ при моемъ поступленіи былъ Петръ, маленький человѣкъ и невнято-симбійшій педагогъ, который за малѣйшій проступокъ ученика изрекалъ свой стереотипный приговоръ: «безъ обѣда,

безъ ужина, въ столовой на колѣняхъ, съ лишеніемъ пищи». Строжайшимъ образомъ преслѣдовать онъ табакокуренье, винопитіе, короткіе сюртуки и чтеніе свѣтскихъ книгъ, которыя онъ отбиралъ и потомъ у себя жегъ въ печкѣ. Я кому-то изъ товарищей далъ читать «Письма русскаго путешественника» Карамзина; Петръ отобралъ ихъ, потребовалъ утромъ меня и далъ мнѣ жестокой нагоняй: «что читаешь! что ты, путешественникомъ что-ли готовишься быть, безтолковкой? Читать бы «Христіанское Чтеніе», — тамъ языкъ-то языкомъ, а мысли-то мыслями». Книга полетѣла въ топившуюся уже печку, а на меня Петръ крикнулъ: «пошелъ вонъ, безтолковкой». Слово «безтолковкой» инспекторъ употреблялъ такъ часто, что семинаристы заглаза его называли не иначе, какъ тоже «безтолковкой». Петръ преподавалъ священное писаніе во всѣхъ классахъ и никогда не измѣнялъ однажды заведенному и какому-то непонятному, совершенно безтолковому приему спрашивать учениковъ не на выборъ, а по порядку списка: начнетъ съ перваго, потомъ говоритъ: «слѣдующій» и когда отвѣтитъ этотъ, опять переходитъ къ слѣдующему и т. д. до конца списка, а потомъ опять начинается съ перваго, такъ что каждый знаетъ, когда онъ будетъ спрошенъ и готовился только къ этому дню. Лучшими учителями были преподаватели исторіи М. В. Загоскинъ и словесности Домскій. Они кое-что почитывали намъ въ классѣ и подъ секретомъ отъ начальства давали читать свѣтскія книги, историческія, русскія авторовъ и т. д., но давали не всѣмъ, а только одному—двумъ лучшимъ ученикамъ, которые и развивались, между тѣмъ какъ остальные только долбили, зубрили, да сочиняли хрипъ, а въ концѣ втораго года даже стихи. Я началъ тогда тоже писать стихи и воображалъ себя поэтомъ. Я читалъ очень много, фантазія работала живо, рѣфмы подбирались, а тутъ же попались статьи Дизраели въ «Современникѣ» «Литературный характеръ или исторія гения». Читая ихъ, я находилъ въ себѣ все указываемыя авторомъ признаки литературнаго характера и сильно оскорблялся, когда отецъ иногда подсмѣивался надъ моими поэтическими пареніями. Я уходилъ въ себя, особенно когда мнѣ пошелъ 17-й годъ. Была весна. Я читалъ какой-то литературный сборникъ, гдѣ было приведено мѣсто, кажется, изъ Шиллера, о томъ какъ въ юности пробуждается чувство любви. Меня охватило какое-то непонятное волненіе, я почувствовалъ себя тоже юношей и немедленно представилъ себѣ милонидіин образъ 15-лѣтней бронеточки, жившей съ своимъ семействомъ на одномъ дворѣ съ нами, только въ другомъ домѣ. Черезъ какіе нибудь полчаса я былъ уже влюбленъ и думалъ только о ней. Мы часто встрѣчались. Я въ темныя ночи спалъ на сѣновалѣ и проводилъ тамъ за чтеніемъ всѣ свободные дни, и она нерѣдко приходила туда поболтать со мною. Недѣли двѣ я все собирался, но не рѣшился ни сказать, ни написать ей, что люблю, а между тѣмъ воображеніе распалаясь, я, что называется, сходилъ съ ума. Наконецъ, я рѣшился открыться ей во что бы то ни стало. Однажды ни моихъ, ни ея родныхъ, не было дома. Я читалъ. Пришла она въ бѣломъ капотикѣ, отъ лѣтней жары. Несмотря на свою прежнюю рѣшимость, заговорить о своей любви я не могъ и заикался. Она начала утѣшать меня и положила мнѣ руки на плечи. Губы наши встрѣтились, сердца застучали, въ глазахъ потемнѣло. Этого дня мы часто видѣлись съ нею, но черезъ два мѣсяца она уѣхала изъ Иркутска куда-то къ роднымъ, и я больше никогда не видѣлъ ее. Я сильно тосковать по ней и писалъ отчаянные стихи.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОВОСТИ.

Безпорядки въ Миссо-ле Минъ остались не безъ послѣдствій. Французское правительство обратило на нихъ внимание въ связи съ безпорядками въ другихъ городахъ. Произведено было много арестовъ, а разсѣдованіе показало, что эти безпорядки вызваны вполнѣ организованною обществ. революціонеровъ, имѣющихъ обширныя развитія и главные вожаки котораго проiakуютъ за границею, преимущественно въ Швейцаріи. Безпорядки въ Севт-Этьевѣ, взрывы динамитныхъ бомбъ въ Лионѣ и Монпелье, закатательныя прокламаціи въ Амьенѣ, и наконецъ аресты доказали французскому обществу, что революціонная партія гораздо сильнѣе нежели о ней предполагало правительство Жюль Гриви. По словамъ «République Française», глава движенія, проивающій въ Женевѣ русскій эмигрантъ князь Кралоткинъ. Стачки рабочихъ вызываютъ закрытіе фабрикъ. Если одинъ мебельный фабрикантъ въ Парижѣ закроетъ свои заведенія, какъ предполагаютъ, то безъ заработка останется 45,000 рабочихъ. Подушая тѣмъ, что во многихъ уюдахъ Франціи раздается слово д и п а м и т ы! сторонники графа Шамбора открыто заявляютъ, что время выжиданій миновало и наступила пора дѣйствовать. По слухамъ, Шамборъ, какъ претендентъ на французскій престолъ, станетъ во главѣ движенія, а Шаретъ, потомокъ знаменитаго предводителя вандейцевъ, въ змоху первой французской революціи, поведетъ войско. Пока такимъ образомъ слагаются обстоятельства, среди имущественныхъ классовъ, принадлежащихъ къ умѣреннымъ отбѣнкамъ политическихъ партій, замѣтно движеніе въ пользу Гамбетты.

— Подробности покушенія на жизнь короля Милана таковы: при выходѣ короля съ супругою и свитою изъ церкви, на паперти изъ толпы выдвинулась вдова полковника Елена Марковичъ и на разстояніи двухъ шаговъ выстрѣлила въ короля Милана изъ револьвера. Въ первый разъ револьверъ далъ обѣлку, второй выстрѣлъ не попалъ только потому, что король успѣлъ отклонить голову. Адыutantъ короля Фроновичъ въ ту же минуту схватилъ Марковичъ. На другой день послѣ покушенія было торжественное молебствіе и пріемъ дипломатическаго корпуса и депутатівъ гражданъ. Слѣдствіе производится; хотя Елена Марковичъ и заявила слѣдодателю, что она дѣйствовала на личную побужденію, но обмѣкъ въ ея квартирѣ доказалъ вѣчто другое. Такъ, были найдены рукописи, въ которыхъ говорится, что она должна убить того, кто подписалъ смертныя приговоры ея мужу, «герцогу Ефрему». Въ другой запискѣ, писанной ея рукою, сказано: «Я хочу умереть на эшафотѣ и позабочусь о томъ, чтобы выстрѣлъ не миновалъ цѣль». Сдѣлано нѣсколько арестовъ и покушенію даютъ политическую окраску. По мнѣнію однихъ, это дѣло Карагеоргиевичъ, потомковъ короля Георгія Чернаго, освободителя Сербіи отъ турокъ, претендующихъ на сербскій престолъ; по мнѣнію другихъ, Елена Марковичъ дѣйствовала подъ вліяніемъ народной оппозиціонной партіи, возмущившейся тѣснымъ сближеніемъ короля съ Австріею.

— Выборы въ прусскій сеймъ даютъ преобладаніе консервативной и клерикальной партіямъ. Ожиданіе либераловъ обмануто.

— 12 октября возобновились сессіи англійскаго парламента, безъ всякой церемониальности. До сихъ поръ въ Англіи всякій вопросъ считается обсуждаемымъ только тогда, когда съя ораторы высказали о немъ свое мнѣніе. Минъ Гладстонъ предложилъ парламентскую реформу, именно, чтобы вопросъ считался рѣшеннымъ, если послѣдуетъ на то согласіе большинства. Меньшинство въ проектѣ Гладстона видитъ простое стремленіе меньше говорить и больше дѣлать. Большинство же несомнѣнно протестуетъ проекту. Гладстону приписываютъ стремленіе къ ограниченію и тѣсненію свободы парламентскихъ прерій. Однако же за проектомъ Гладстона признано

большинствомъ голосовъ первенство передъ всеми другими биллами.

По вопросамъ вѣншей политики Гладстонъ является торжествующимъ. Финансы Египта, вооруженныя силы хедива, египетское правосудіе, все предположено подчинить вліянію Англій, хотя лордъ Эллиотъ и заявилъ, что окончательное разрѣшеніе египетскаго вопроса предоставится международной конференціи. Парелье заявилъ, что внести въ палату предложеіе, относящееся до египетскаго земельнаго и правдудельнаго законовъ. Въ Лондонѣ появился переводъ вѣкоторыхъ изъ бумагъ Араби-паша. Въ числѣ ихъ находится письмо султана, гдѣ Араби-паша приглашается къ соприптенію Франціи и Англій. Въ Лондонѣ получено извѣстіе, что профессоръ Пальмеръ и лейтенанты Джилль и Чаринтонъ, посланные англичанами въ Аравію для закупки верблюдовъ, убиты неизвѣстными людьми. Посланному развѣдочному отряду удалось узнать, что убійство совершено на краю пропасти, по приказанію губернатора Нахъ, притчемъ жертвами было предложено на выборъ: или спрыгнуть въ пропасть, или быть застрѣленными. Пальмеръ рѣшился спрыгнуть, а соговорники его были застрѣлены.

— Одинъ изъ защитниковъ Араби-паша нашелъ въ бумагахъ подудеимаго письма, копіюировавшаго Абдуль-Гамидъ и вѣкоторыхъ турецкихъ самовниковъ. На основаніи этого защитники замѣрили вызвать въ качествѣ свидѣтелей Дервиша и Ахмедъ-Осада паша, султанскаго фангалъ-адыланта и нѣсколькихъ улемовъ. Главнымъ свидѣтелемъ въ пользу Араби-паша явится, какъ слышно, Лессенсъ. О жерпорокѣ Махди слышно, что оны подвигается къ главному городу Нубіи Хартуму. Абдель-Кадеръ-паша; начальникъ египетскихъ войскъ въ Хартумѣ, въ очальнѣ, что оны не получаютъ ни подуривленія, ни боевыхъ запасовъ. Населеніе Нубіи расположено въ пользу Махди. Въ Каирѣ предполагаютъ, что если Хартумъ падеть, то возстаніе охватитъ всю область Верхняго Нила.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

«Голосу» передаютъ, что возбужденный еще въ 1876 году генераль-губернаторомъ Восточной Сибіри, генераломъ Сидельниковымъ, вопросъ о трудности привлеченія къ службѣ въ Восточную Сибірь врачей, особенно въ болѣе отдаленныя мѣстности, и о необходимости, вслѣдствіи этого, увеличить содержаніе городскимъ и окружающимъ врачамъ, предоставивъ имъ большія служебныя преимущества, разрѣшенъ уже окончательно. Новый штатъ медицинскаго персонала въ Восточной Сибіри разработанъ и, говорятъ, внесенъ уже на утвержденіе. По мнѣнію дѣйствующему штату расходовалось на содержаніе штатныхъ врачей 44.915 руб. въ годъ; по вновь же проектированному предполагается расходовать 84.350 рублей.

— Спонскій банкъ рязанскимъ окружающимъ судомъ признанъ несостоятельнымъ.

— По слухамъ, вопросъ о торговлѣ съ Средней Азіей и о положеніи таможенныхъ пошлинъ на товары, идущій черезъ Кавказъ изъ-за границы, будетъ разрабатываться министерствомъ финансовъ съ участіемъ «свѣдущихъ людей».

— Разрѣшено устройство технологическаго института въ Харьковѣ.

— Въ числѣ реформъ мѣстнаго управленія предполагается, какъ передаетъ «Новое Время», пониженіе имущественнаго ценза для служащихъ по земскимъ учрежденіямъ.

— Морское министерство, по предварительному соглашенію съ военнымъ вѣдомствомъ, предполагаетъ, по словамъ той же газеты, приобрести особое судно, специально для снабженія по мѣрѣ надобности боевыми припасами и корабельными материалами Владивостокскаго порта.

— «Петербургскому Лентку» сообщаютъ, что, на-дняхъ, въ правительственныхъ сферахъ окончательно рѣшенъ вопросъ о разрѣшеніи еврейско-колонистамъ Херсонской и Евзертлоплавской губерній арендовать свободныя земли, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы колонисты лично занимались хлѣбопашествомъ.

— По словам «Медицинского Вестника», общество естествоиспытателей устраивает ряд чтений по пользу женских врачебных курсов.

— Надвяхъ, военный министр разрешилъ принять на женские медицинскіе курсы до десяти вольнослушательницъ. Немедленно было подано 140 прошений, изъ которыхъ 70 свидѣтельствовао на совершенно равныхъ правахъ, многіе удовлетворяющихъ самымъ строгимъ требованіямъ, почему конференціи изъ профессоровъ затруднилась выборомъ и предоставила себѣ право просить г. военного министра о принятіи наравнѣ всѣхъ означенныхъ просительницъ.

— «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ оказываютъ крупная пожертвованія единовременная и ежегодная.

— Генералъ-адъютанту, графу М. Т. Лорисъ-Меликову, разрешено принять званіе почетнаго гражданина г. Тифлиса.

— 17-го октября, вышелъ 1-й № новыя «Судебной Газеты», издаваемой и редактируемой г. Ниссоловичемъ; издание это посвящено специально юридическимъ вопросамъ, выходить ежедневно и стоитъ 6 р. въ годъ.

— 15-го октября состоялось годичное засѣданіе московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Засѣданіе было весьма многолюдно, собралась, по словамъ «Русскаго Курьера», масса интеллигенціи, множество профессоровъ, почетные московскаго учебнаго округа, митрополитъ, генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ и многіе другіе. Сперва были прочитаны отчеты секретарей общества, отдѣленій и отдѣловъ. Чтобы охарактеризовать количество работы членовъ общества, А. А. Тихомировъ указалъ, что въ настоящее время рефераты общества состоятъ уже изъ 42 довольно значительныхъ тома. В. П. Михайловскій, секретарь этнографическаго отдѣленія, указалъ на однообразіе рефератовъ отчетнаго года, причемъ остановился на главныхъ изъ нихъ: Д. И. Цювайскаго, проф. Самойлова, Н. М. Яришцева, своихъ и нѣкоторыхъ другихъ. Секретарь антропологическаго отдѣла сообщилъ, между прочимъ, что уже получился откликъ съ разныхъ концовъ Россіи гг. врачей, на приглашеніе ихъ производить антропологическія измѣренія при осмотрѣ рекрутъ. Высокопреосвященному Іоаннику было предложено званіе почетнаго члена общества, затѣмъ прочтенъ списокъ дипломовъ, назначенныхъ обществомъ за заслуги разнымъ своимъ членамъ и, наконецъ, Н. Н. Милуха-Маклаю было произнесено привѣтствіе, по поводу его возвращенія въ Россію, уваженіе къ его дѣятельности и была поднесена золотая медаль. Предѣдатель г. Щуровскій охарактеризовалъ ученія заслуги этого русскаго путешественника, указавъ на трудности, испытанныя имъ и закончилъ словами: «Милостивые государи! по чувству патриотизма скажемъ ему наше большое русское спасибо!» Отвѣтомъ послужили взрывы рукоплесканій, послѣ чего Н. Н. Милуха-Маклай, выражая свою благодарность, приступилъ къ сообщенію объ анатомическихъ и этнографическихъ особенностяхъ палеусовъ.

— На-дняхъ въ Брюсселѣ, по словамъ «Страны», открыта выставка картинъ Верещагина.

— Съ 1-го января 1883 года въ Казани будетъ выходить новая ежедневная газета «Волжскій Вѣстникъ», подъ редакціей профессора Загокина, гдѣ примутъ участіе многіе лучшие профессора, а также и многіи лица изъ новоложской интеллигенціи, выступавшей въ одномъ изъ наилучшихъ провинціальнхъ изданій «Камско-Волжской газетѣ», издававшейся въ 1872—74 годахъ. Отъ души желаемъ успѣха этому начинающемуся органу.

«НЕСТОРАЕМАЯ ИЗБА» Г. СОНЦЕВА.

Нестораемость построекъ—это такой вопросъ, который не можетъ не интересоватъ всякаго русскаго обывателя: города и села такъ страшно выгораютъ у насъ на югъ и сѣверѣ, на востокъ и западъ, убытки отъ этихъ неслучайныхъ пожаровъ такъ громадны, что на-

дежда на осуществленіе несторамости зданій не можетъ не оставаться самое серьезное вниманіе всякаго изъ насъ. Естественно поэтому, что естественная мысль г. Сонцева успѣла уже обратиться на себя вниманіе общества, и что земства одно за другимъ приглашаютъ его сообщить имъ непосредственно о его изобрѣтеніи. На-дняхъ г. Сонцевъ былъ и въ Подгва, гдѣ по приглашенію земской управы сообщилъ собравшимся членамъ экстреннаго земскаго собранія о своей несторамой избѣ и показалъ небольшую модель ея, сдѣланную изъ того же матеріала, изъ котораго предполагается соорудить и самую избу. Такимъ образомъ и гласнымъ, и публикѣ представилась возможность ознакомиться съ этимъ изобрѣтеніемъ изъ перваго источника.

Изба г. Сонцева относится къ ряду построекъ глинобитныхъ, т. е. такихъ, матеріалъ которыхъ состоитъ исключительно изъ глины, утрамбовываемой и уплотняемой до послѣдняго предѣла плотности. Постройки изъ такой глины—какъ посылитъ г. Сонцевъ, соорудилъ уже давно но раннѣ изобрѣтенія г. Сонцева онѣ состояли не изъ одной только глины, а вмѣстѣ съ нею и изъ дерева, изъ котораго дѣлались балки и стропила; по этой причинѣ постройки эти къ числу несторамыхъ отнесены быть не могутъ; они успѣли однако доказать неопровержимо большую прочность упомянутой глины, какъ строительнаго матеріала, и потому все-же таки имѣютъ громадное значеніе и для настоящаго случая. Задавшемъ рѣшеніемъ вопроса о несторамости, г. Сонцевъ долженъ былъ устранить всякую примѣсь дерева и найти способъ исключительнаго приращенія глины. Способъ этотъ—но его идѣй—заключается въ замѣнѣ кирпичи глинянымъ же сполвомъ, перекидываемымъ съ одной продольной стѣны на другую. Поперечныя стѣны пристраиваются по окончаніи свода, и получается зданіе, въ которомъ, кромѣ дверей и оконныхъ рамъ, былъ никакихъ деревянныхъ частей.

Пріемы постройки такого несторамаго зданія заключаются главнымъ образомъ въ равномерномъ уплотненіи глиняной массы. Всюмогательными средствами служатъ для этого устанавливаемые съ двухъ сторонъ возводимой стѣны досчатые щиты, а для свода—обшивочныя круглая. Окончательная отдѣлка состоитъ въ подвѣшеніи карнизовъ и конька крыши и, затѣмъ, въ обжиганіи избы дугами. Обжиганіе, но свидѣтельству г. С., дѣлается въ внутренней поверхности стѣны нѣчто въ родѣ штукатуры, имѣющей консистенцію кирпича, и заканчивается просушкой всей постройки. Надо имѣть въ виду, что глина для такого рода построекъ берется чистая, не содержащая ни песку, ни черзума, и что крыша смазывается дегтемъ и затѣмъ посыпается пескомъ, что, по словамъ г. С., предохраняетъ ее вполнѣ отъ размачиванія и всякой порчи, обусловливаемой дождемъ, снѣгомъ и сыростью. Остается затѣмъ упомянуть, что кругомъ всей избы дѣлается довольно широкая завалинка, которая не дозволяетъ водѣ, могущей накопиться вокругъ избы въ сырое время года, подымать основаніе стѣнъ. Въ въ общемъ чертѣ и все описание сооруженія несторамой избы.

Несторамость ея, какъ то и очевидно, позная. Выгоды глинобитной избы не ограничиваются, однако, одною только несторамостью. Кромѣ ея, какъ указываютъ г. С., получаютъ еще сами собой и другія важныя удобства: всего прежде бросается въ глаза то, что крупная вѣстимость внутренняго пространства такой избы, вслѣдствіе сводчатости постройки, превосходитъ кубическую вѣстимость обыкновенной избы, имѣющей однакоже линейное протяженіе и одинаковую высоту стѣнъ; затѣмъ, нельзя не замѣтить, что исправленіе всѣхъ возможныхъ въ такой избѣ поврежденій можетъ быть произведено чрезвычайно легко; даѣе, сырость устраняется окончательно и, наконецъ, провѣтриваніе очень легко устраивается посредствомъ нарочно продѣлываемаго для того отверстія въ свѣтъ. Что касается цѣнности такой избы, то она зависитъ, конечно, какъ отъ стоимости рабочихъ рукъ данной мѣстности, такъ и отъ близости глины и воды отъ мѣста постройки и—кромѣ того еще—отъ количества такихъ построекъ, такъ какъ одинъ и тѣ же досчатые щиты и круглая могутъ служить для неопредѣленнаго количества зданій, возводимыхъ одновременно. Это обстоятельство имѣетъ особую важность для бѣднѣйшаго попомъ, гдѣ щиты и круглая могутъ быть пріобрѣтаемы на общественный счетъ и гдѣ, такимъ образомъ, эта самая дорогая издержка можетъ быть разложена на отдѣльныя избы и представлять для каждой изъ нихъ совершенно ничтожную затрату.

Къ этимъ выгодамъ г. Соцевъ могъ бы прибавить еще и чрезвычайное легкое вентиляционное глиняныхъ избъ посредствомъ повторительнаго ихъ выжиганія и — съ большимъ вѣроятіемъ — благотворное вліяніе способа ихъ сооруженія на общественныя условія жизни селъ, такъ какъ цѣнность избъ находится въ прямой зависимости отъ степени развитія общественной солидарности.

Что касается вентиляции, то едва ли правъ г. С., предлагая устройство отверстія для нея въ сводѣ. Сквозъ такое отверстие легко можетъ попадать въ избу вода отъ дождя и тающаго снѣга. Гораздо практичнѣе — какъ я думаю — устраивать вентиляціонное отверстие въ одной изъ стѣнъ, какъ то дѣлается очень часто въ Сибири. Очень вѣроятно, что гигиеническія условія избы г. С. должны быть поставлены выше гигиеническихъ условій избы обыкновеннаго типа, но для окончательнаго установленія ея полнаго превосходства необходимо еще испытать, въ какой мѣрѣ участвуетъ въ ея вентилированіи воздухопроводимость самихъ стѣнъ ея. Этотъ путь оздоровленія воздуха въ жильѣ, какъ доказалъ Петенкоферъ, есть самый дѣйствительный, и нельзя не пожалѣть, что г. С. вовсе не коснулся этого вопроса.

Остается затѣмъ вопросъ о способахъ, какими можетъ быть осуществлена заміна терпѣливыхъ избъ глинобитными. Г. Соцевъ полагаетъ, что приверженность къ привычному у крестьянъ можетъ быть преодолѣна лишь только путемъ насильственныхъ мѣропріятій. Онъ думаетъ, что земства должны исходатайствовать у правительства закладную мѣру и, опираясь на нее, приступить къ постепенной заимкѣ въ селѣхъ старыхъ избъ и возведенію новыхъ. Г. Соцевъ, какъ видно изъ этого, немного фанатичъ своей идеи; но фанатизмъ этотъ едва ли классობраенъ. Не говоря о томъ, что побѣду можетъ одержать одна лишь очевидность; не останавливаясь на томъ, что есть множество самыхъ разнообразныхъ примовъ приохочиванія, я думаю, что даже и послѣ полной неудачи очевидности и полнаго фiasco всевозможнаго приохочиванія, насилье все же цѣль не достигнетъ и сдѣлаетъ только глиняную избу навѣянъ ненавистною для крестьянина.

Нельзя согласиться и съ мнѣніемъ г. С. о значеніи первыхъ по времени избъ его по отношенію къ пожарамъ. Онъ думаетъ, что если десятилѣтніе двадцатилѣтнія избы въ селѣхъ глинобитныя, то этого уже достаточно для спасенія села отъ конечнаго истребленія огнемъ, такъ какъ пожаръ будто бы далѣе этихъ избъ распространиться не можетъ. Известно однакоже, что во время пожаровъ огонь перескакиваетъ не только черезъ одно строеніе, но черезъ цѣлый рядъ ихъ, а иногда, какъ напримеръ, въ Красноярскѣ въ прошломъ году, черезъ нѣсколько кварталовъ. Нельзя ожидать, съдовольство, чтобы одна, двѣ глиняныя избы могли останавливать пожаръ, и надо полагать, что только послѣ значительнаго ихъ распространенія, значеніе ихъ станетъ не только частнымъ, но и общественнымъ.

Окончательное сужденіе объ избѣ г. С. было бы теперь, конечно, преждевременнымъ: для того, чтобы произнести его, надо увидѣть не модель избы, а самую избу, да и то послѣ разнообразныхъ превратностей. Теперь же можно сказать только, что осуществленіе возлагаемыхъ на нее ожиданій имѣетъ большую вѣроятность и что на успѣшность ея распространенія, если не помышлять безтактность мѣропріятій, тоже можно рассчитывать. Пока отроду уже и то, что мы имѣемъ передъ собой изобрѣтеніе, рассчитанное на пользу трудящаго большинства, а потому и не можемъ не произнести съ уваженіемъ и благодарностью имя г. Соцева, какъ одного изъ такихъ изобрѣтателей, число каковыхъ очень и очень незначительно.

В. Л.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 19 октября. Курсы на Лондонъ на 3 мѣс. 24¹/₂ пенса за рубль, на Парижъ 253¹/₂ сантим., на Гамбургъ 205¹/₂ пфен. Полуметриалы 8 р. 19 к., рубль сереб. 1 р. 40 к.; 5⁰/₁₆ бнл. Госуд. Банка 1 вып. 94⁵/₈, 2 вып. 90¹/₂, 3 вып. 90²/₈, 4 вып. 90¹/₈, 5 вып. 90. Восточный заемъ 88¹/₂, 5⁰/₁₆ Первый выигр. заемъ 210, Второй выигр. заемъ 203¹/₂. Облг. Сиб. гор. кред. общ. 84¹/₂, 5⁰/₁₆ закл. лист. общ. взаим. помоз. кред. (металл.) 129⁷/₈, 5⁰/₁₆ рента 97³/₈, 6⁰/₁₆ закл. лист. Тульск. зем. банка 94, Моск. зем. банка 98¹/₂, Сар.-Симб. зем. банка 78¹/₂, Тифлесс. зем. банка 86¹/₂. Акт. Сиб. торг. банка 338, акт. парох. общ. «Кавк. и Мерк.» 462, акт. парох. общ. «Самолетъ» 188, акт. Главн. общ. Рос. ж. д. 249, акт. Рым.-Бол. ж. д. 61. Настроеніе биржи съ курсомъ и бумагами валюты, въ Берлинѣ русскіе кредит. билеты по 202 марк. 60 пфен. за 100 руб.

Опечатки.

Въ № 29, въ отдѣлѣ библиографіи при характеристикѣ сибирскихъ городовъ, при наборѣ перепечаткомъ нѣкотораго фразы, которая искажаетъ смыслъ. Такъ фразы со словъ «здѣсь какъ и въ Москвѣ» (стр. 51 сл.) до слова «душевнонаивно» относится къ характеристикѣ Тюмени, а слова «давно объявленнаго столицей Сибири» (стр. 33) до выраженія «ретрандихъ мѣста къ Иркутску».

Въ статьѣ «Тысяча одна ночь изъ туркестанской жизни» на стр. 13 въ томъ же № замѣную Гуюсъ слѣдуетъ читать Гуюсъ.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИЯ.

КЪ ВОПРОСУ ТРЕХСОЛѢТІЯ.

Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее.

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 3 р.

Въ книжкомъ складѣ Стасюлевича, Вас. стр. 2 лив., д. 7; также въ конторѣ Редакціи «Восточнаго Обзорнія».

ОЧЕРКИ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛІИ

ПУТЕШЕСТВІЯ 1876—1877 гг.

Г. Н. ПОТАНИНА.

С.-Петербургъ, 1881 г.

Цѣна 3 р.

ВЪ СѢВЕРНОМЪ КНИЖНОМЪ АГЕНТСТВѢ

С.-Петербургъ, Пушкинская ул., № 10, кв. 129.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ БРОШЮРА

300 ЛѢТЪ ПОКОРЕННОЙ СИБИРИ.

Цѣна 25 к., съ пересыл. 30 к. Книгопродавецъ уступка.

АКУШЕРКА (СИБИРЯЧКА),

окончившая курсъ при казанской больницѣ, желаетъ получить мѣсто въ Сибири. Адресъ: Редакція «Восточнаго Обзорнія», акушерка Е. Л.